

солнце треснуло говоря

усть зато будет сви

зы
ма

ПОЛЫНИ
СКЕЛЕТИК

6/50
Минияров/Ахавьев

28/94
Светлосанов/Гринберг

Михайлин
ТБ

ДАРЖ

72
Самойленко

182
Жданов

226
Ваннів

красное, как москва

204/160
Сурнин/Пивоварова

138
Щетников

и вдруг подур

с неба па
падал па

а на башенке матрос

Новосибирск
ГАУК НСО ИГОНБ
2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6-5
П18

Серия «Библиотека сибирской литературы»

Редакционный совет серии:

*В. Г. Деев, Ю. В. Зимняков,
С. А. Тарасова, А. Б. Шалин, М. Н. Шукин*

Дизайн логотипа серии: *Д. А. Дроздов*

Редактор-составитель: *А. С. Метельков*

Дизайн: *В. Е. Яковлева*

Фотографии: *В. И. Ковалевич, К. Е. Кармалита*

*Издано при поддержке министерства культуры
Новосибирской области и приурочено
к 85-летию Новосибирской области*

П18 Парк : книга стихов / редактор-составитель А. С. Метельков. — Новосибирск : ГАУК НСО НГОНБ, 2021. — 247 с. : портр. — (Библиотека сибирской литературы / редакционный совет: В. Г. Деев [и др.]).

ISBN 978-5-88742-209-1

Знак информационной продукции 16+

Книга стихов «Парк» представляет срез новосибирской поэзии рубежа XX–XXI вв. В книгу вошли избранные стихотворения одиннадцати авторов.

УДК 821.161.1

ББК 84(2=411.2)6-5

ISBN 978-5-88742-209-1 © Метельков А. С., составление, 2021
© Яковлева В. Е., дизайн, 2021
© Оформление. ГАУК НСО НГОНБ, 2021

От составителя

В 1989 году в Новосибирске был издан сборник «молодых» авторов «Гнездо поэтов». Двум из одиннадцати участников сборника не было и сорока, остальным — от сорока до пятидесяти. Большинство из них являлись членами легендарного ЛИТО Ильи Фоянкова. Соответственно, и многие тексты, вошедшие в книгу, были написаны ещё в 1960–70-е гг. Однако почти для всех этих авторов именно «Гнездо поэтов» стало первой «настоящей» книгой. Она приобрела культовый статус и до сих пор определяет канон новосибирской поэзии старшего поколения (то есть поэтов, родившихся в 1930-х — начале 50-х гг.).

Казалось, наступило новое время и проблем с публикациями больше не будет. Но идеологический диктат сменился экономическим, и следующее, не менее талантливое, поколение новосибирских поэтов вновь угодило в ту же ловушку. Их стихи сохранились на страницах газет, журналов и малотиражных книг, давно ставших библиографической редкостью.

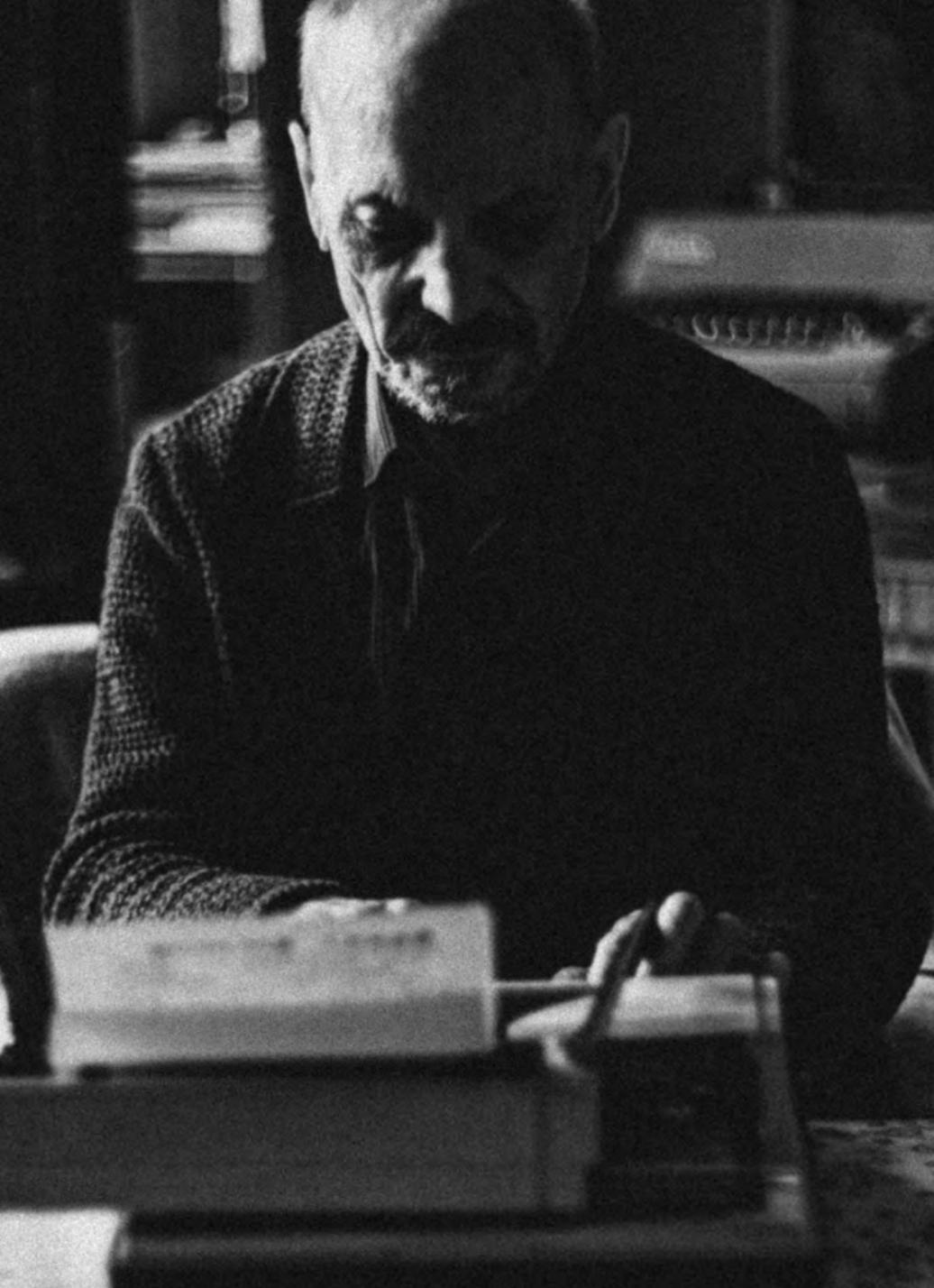
«Парк» представляет собой попытку очертить пёстрый ландшафт поэтического Новосибирска рубежа XX–XXI вв. Можно назвать несколько критериев, согласно которым объединены авторы сборника. Во-первых, все они приобрели известность в конце XX в. (некоторые ещё в 1970-е гг., но большинство — в 1980-е и 1990-е гг.): литературные круги 1980–90-х гг. — Новосибирская картинная галерея, где ключевую роль играл Владимир Назанский, ПАН-клуб, издательство «Мангазея», а также сообщества, возникшие вокруг Евгения Иорданского, Олега Волова, Игоря Лоцилова и других ярких фигур — так или иначе взаимодействовали и дали целую плеяду блестящих имён.

И затем — во-вторых — каждый из авторов стал протаптывать свою собственную тропинку дальше, уже сквозь 2000-е и 2010-е гг. Вряд ли в Новосибирске появятся улицы, названные в честь современных поэтов, но тропинкам — почему не быть? Переплетаются они, ветвятся, растворяются среди деревьев, зовут за собой.

Преемственность между «Гнездом поэтов» и «Парком» напрямую осуществляется через Евгения Миниярова, стихи которого представлены в обеих книгах. Но не только. Владимир Светлосанов также застал ЛИТО Фонякова. Юлия Пивоварова выросла на стихах своей мамы Жанны Зыряновой и её товарищей — Ивана Овчинникова, Александра Денисенко, Анатолия Маковского, Николая Шипилова... Дружили и общались с ними и другие авторы этой книги. Несмотря на ощутимую разницу поэтических языков, судьбы представленных здесь поэтов пересекались самым непредсказуемым образом, что, несомненно, отражалось и на их творчестве. В большинстве случаев авторские подборки в книге включают и стихотворения, уже ставшие классическими, и новые, а также малоизвестные тексты, что даёт возможность увидеть каждого поэта в его движении, в его неуловимости.

Прогулки по «Парку» рекомендуется осуществлять в различных направлениях — встречая всё новых и новых необыкновенных персонажей, беседуя с ними или ограничиваясь лёгкими кивками. Главное — не забыть дорогу обратно. Для этого можно по старой сказочной традиции воспользоваться хлебными крошками.

Антон Метельков

Евгений Минияров

Родился в 1951 г.

Может быть, следует сказать ещё и об этом?

Рассказать ли о том, как с верхней полки плацкарта я озираю уральские зелёные предгорья. Как поезд плавно огибал опушку леса, как посреди зелёного ковра ярко светился обломок кирпича. И я понял, и я запомнил, и никогда не забуду. Мне была явлена истина в её наготе, не прикрытая какими бы то ни было интеллектуальными конструктами, никакой тщетой.

Итак, на чём мы остановились? Кажется, речь шла о так называемой поэзии? Игорь, незабвенный мой руководитель дипломного проекта, слышишь ли ты меня? Предваряя очередную порцию замечаний, ты заметил довольно ядовито:

6

— Ты, говорят, стихи в «Огоньке» напечатал?

И не успел я исправить название журнала на «Сибирские огни», как принялся слушать речь о том, что у мужика должно быть дело, дело, а не это самое. Немедленно сложился непроизнесённый ответ:

от слишком пристального дела
как хорошо себя избавить
и выйти в полусумрак белый...

Я обнаружил себя идущим по улице Титова в направлении метро, которого не было. Красное на зелёном вспыхнуло в мозгу. Я увидел тяжёло идущего против ветра человека, наклонившегося вперёд, и это было началом текста по имени «Баллада». И так далее.

Моей жизни повесть
не пишу наперёд.
Набираю скорость.
И время идёт.

Просыпаюсь наутро
где не был вчера.
И печально, и смутно,
и в дорогу пора.

Это ложь предсказаний
и твёрдый, как лёд,
холод позднего знания,
и время идёт.

Вода в стакане сонном
и утро вполнакала.
Стать новым и бездомным,
откинув одеяло,

почувствовать свободу,
своими именами
назвать все наши годы,
бегущие за нами —

они бегут за нами
и требуют ответа,
и смотрят в нас глазами,
прекрасными, как лето.

8

Короткое свиданье!

Пора, мой друг, пора —
стремительно светает,
и дворник над цветами
со шлангом — как вчера,
как музыка, витает.

может быть, следует сказать ещё и об этом?

нежный
с кровоточащими крыльями
ты летишь
из древности и небытия
из твоей легендарной юности

время
стучит в висках
наоборотное время
которое всё тяжелеет
и погружается в темноту
чтобы юная эпоха
становилась ещё прозрачней и невесомей

10

видишь ли ты
в фокусе своего натруженного хрусталика
перевёрнутую чёрную фигурку

это я
поднимая бесплотную руку
из глубочайшего далека
ослепительного как выход из тоннеля
кричу
антиматериальным голосом
прерывающимся от любви

— Привет тебе, Вознесенский!

хорошо идти с пылающими ушами
после крупного разговора
который долго таился

снова стать самоуверенным юным одиноким и нежным

...Блистая смутная река,
и середине звездопада
стояли мы с тобою рядом,
как два небесных должника.

И эта звёздная тревога,
и наши смертные года,
мерцающие, как вода,
вдаль уходящая полого —
мы задолжали очень много,
не расплатиться никогда.

12

Я ничего не забываю.
Как твёрдый камень, я тяжёл.
И в звёзды головой вошёл.
И всё сильнее обнимаю
то, что легко назвать своим —
пространства меж двумя витками
тугих времён, где мы стоим,
всегда достаточно двоим.

Я всё имею под руками.

Всегда свободные, мы дышим
небесной влагой ключевой.
Нам некуда пойти домой
и некогда. Стропила выше
всего, что мыслимо — я вышел,
чтоб не задеть их головой.

Всегда так мало своего
наличного под этим небом.
Я вне себя ни разу не был.
Не забываю ничего.

Итак, я равен этим числам,
сокрытым в тесной звёзд толпе.
Я вспоминаю о столпе,
когда прошу немного смысла,
чтоб подарить его тебе.

Но всюду жизнь, и всюду тленье,
и даль по-прежнему тверда.
Никто не даст нам избавленья.
Не расплатиться никогда.

прогулка с Анатолием Шором

1.

Певец мгновений, я сидел
среди бездны неотложных дел.
Клубилась бездна надо мной!
Я пел, качая головой,
свои ямщицкие стихи
на музыку больших стихий.
Я пел, что жив и слава богу,
а конь, авось, найдёт дорогу,
а не найдёт — не пропадём,
другую станцию найдём,
другой смотритель лампу жжёт
и в непогоду гостя ждёт,
и думает, что нас не любит,
ворчит и ставит самовар.

14

Везде нас встретят те же люди
и те же цены на товар.
Мы знаем, что сказать друг другу.

Я вам везу ночную выюгу —
отдам за так, за возглас «ах!»,
за тень сочувствия в глазах.

Событие, со-бытие!

2.

Толпимся в жарком забытье.

А в это время твёрдый Шор
сквозь хор нестройный дней прошёл —
весь — от ступней своих до лба —
и расступилась дней толпа,
и назвала его «судьба».
И вышел Анатолий Шор,
и обозначился простор.
И вновь сомкнулась дней завеса
без видимого интереса.
И замерла шеренга дней.

3.

Там было множество людей.
Они стояли и ходили,
а печи второпях чадили,
и чёрные котлы кипели,
а дети бегали и пели.

И некто Анатолий Шор
там, словно вестник с воли, шёл
и взоры нежных горожан
своим обличем поражал.

...шёл мимо бани, гаража...

Следило каждое окно.
Такого не было давно.
Но говорили: «Всё равно!..»

...консерватории, кино...

«Нам всё равно!» — твердили жарко,
доказывали: «Нам не жалко!»,
отказывались от подарка.

...пивной, завода, автопарка...

«Так вот, — сказали, — быть беде».
И много дней или недель
все говорили и везде.

16 4.

— Там было множество людей.
Они как озеро шумели,
они стояли как вода,
а дети бегали и пели,
что не вернуться никогда.

Так Анатолий несравненный
шёл параллельно жизни нервной,
мне излагая сей сюжет.

Я возражал, что жизни нет.
Я говорил: — Покой нам снится,
движение мнится, жизнь проходит,
мы только спицы в колеснице,
как говорят у нас в народе.
Мы узники свободы воли...

5.

Великолепный Анатолий
шёл впереди, как призрак боли.
И, полный звуков и теней,
своих мгновенных впечатлений,
я шёл за ним в шеренге дней
и пел по вдохновенью лени.
Я пел, а ход событий шёл.

17

6.

Шли дождь и время, снег и Шор.

Нас двое, и я порываюсь не стать знаменитым,
и я обещаю, но — боже! — мои голубые минуты,
кто вас приютит, если я, нагой и разутый,
выйду пред очи небес и признаю себя разбитым.

Вот в толще пузатого сада цветные ракеты взлетают,
но их стебельки, преломившись, растают,
и тайные челюсти ночи их нежно раздавят,
раскручены звёзды спиралью и живут ощущением мига,
и книга

разломлена посередине и не дочитана книга,
нас двое,

но слышу: горячей толпою

мои тонконогие лани бегут и бегут к водопою —

18

возможно ль не слышать копытец их комариного звона
на переломе охотничьего сезона!

Любимая, жизнь, ощущение холода ночи!..

неужто Хармс был тоже человеком
не сущностью не камнем
неужто мы куда-то канем
и станем тканью

несобственными именами
не подлежащим несказанным
не избранным да и незванным
без названий

неужто существуют книги
и как попало зарифмованные строки
в иные сроки
предстанут выпрєнны и строги
нам нужно согласиться что возможно

19

всё а не только цифры
в какой-то степени возможны рифмы
и существуют рифы

раз нет возможности понять всё сразу
и счесть частицы пыли
мы будем хламом любоваться — в избылки
его мы накопили

когда-то Хармс был тоже человеком
и это так отратно
и мы его полюбим всенародно
хоть это трудно

мы будем иероглифами

здесь были пчёлы муравьи
меня здесь только не хватало
заполнили два дивных зала
пространства скучные свои

вещами хладными как сон
и похвалялись очень громко
и гулким эхом напугали моего ребёнка
и повзрослел внезапно он

и мы стояли все как экспонаты
как экс-прохожие но мы не виноваты
что пчёлы с муравьями съели тишину
и не её одну

20

и подбирались к нам со всех сторон
и натыкались на следы своей работы
на недостроенные соты
на музыку напоминающую звон

на белой глади утренних зеркал
весь мир лежал застигнутый врасплох
и он молчал как повелитель блох
руководитель чисел и лекал

где молча продолжали муравьи
строительство безумной пирамиды
где пчёлы вовсе не акриды
и не предвестницы любви

где музыка есть только слабый звон
где мы стояли упокоясь
там написалась эта маленькая повесть
о том что мир есть только фон

или он есть простое зданье
или он есть зияющее знанье
или он есть пугающая весть
или он есть

а мы не мы поскольку немы
и муравьи и пчёлы братья нам
мы с изумлением глядим по сторонам
на сверхъестественные перемены

где указатели вещают невпопад
что ни печалиться не нужно ни пугаться
что следует на месте оставаться
и не смотреть назад

но буквы этих слов подобны муравьям
а муравьи они едва ли только здесь
их принесла божественная весть
на память нам

давайте же кто в этот мир проник
так не любить себя как муравьи и пчёлы
и будем мы тогда как сон никчёмный
мы будем иероглифами книг

поэза дверной ручки

Внезапно вошёл Светлосанов. Он сказал:
— Ну вот хотя бы об этом, о дверной ручке!

Мы помолчали.

Если бы это было так, если бы.
Но ведь стройный беспорядок вещей ужасен,
если не сказать больше,
и если бы не Володя Светлосанов,
внезапно решившийся на это слово,
на это невесомое молчанье
в неведомый день недели,
имели бы мы разве хотя бы эту обманку,
эту, что называется, ручку?

22

Не знаю.

В это время происходили какие-то процессы,
в том числе и за пределами Вселенной,
в которой, уютно свернувшись, ручная змейка
слушала нас, не понимая.
Я одевал её мысленно в пышные одежды,
вернее, в рванину мёртвых текстов,
я ей придумал имя Эквилибрисса
(слабый отзвук её надменного молчанья),
я это сделал.

Потому что не могу же я сделаться деревянным,
как дверная ручка,
потому что не могу же я вырвать из себя,
как страницы блокнота,
мои тщету и пепел.

Значит, ты есть, наша дикая свобода,
ты начинаешься в этой точке,
которую справедливо указал Светлосанов,
хотя мне кажется, всё это немножко левее,
но это неважно.

Так, ну так вот же она, деревянная,
хрупкая, как ангел.

письмо Батурину

дорогой макс
что если прямо сейчас
950409 11.25 Н-ск
что-нибудь нарисовать
это не так легко
это так далеко
как звёздное молоко
и вот редая и затухая
тая пропадая
и припадая
на обе ноги
ибо не видно зги
я пишу не надеясь
удивить тебя результатом
потому что
а впрочем
можно ещё короче
можно жить не надеясь
не зная что значит «зга»
не удивляться незнанию
вот
я и сказал
это
лучше чем ничего
это звезда поэта
это стихотворенье
могло быть ещё красивей
если бы я захотел
но может быть в самый раз
сейчас и закончить пока

не выдохся ритм а слова
случайны а рифмы внезапны
и всё как ненужные вещи
как вымыслов пить головизну
волнует как город чужой

может быть, время имеет свои пределы

Владимир Светлосанов

Родился в 1957 г.

О себе и не только

Продолжать историю рода доступно любому из нас.

Некогда мой род был славен священнослужителями и учителями, а в двадцатом веке инженерами и проектировщиками.

Дед мой получил диплом Технологического института, окончил курс Санкт-Петербургского университета — историко-филологический факультет, классическое отделение.

Внук стал выпускником Новосибирского государственного педагогического института — факультет русского языка и литературы.

28

Дед мог прочесть текст по-древнегречески, неплохо знал латынь и в застольных беседах любил цитировать римских классиков.

Внук перелагает дистихами элегии Проперция, переводит и сетует на нехватку классического образования.

Дед начинал службу коллежским секретарём в департаменте Императорской Николаевской железной дороги.

Внук, довольствуясь случайными заработками ночного сторожа и экскурсовода, долгое время лоботрясничал, путешествовал, одним словом, жил в своё удовольствие.

Дед отметил окончание трудового пути строительством Турксиба и орденом Ленина.

Внук отмечает окончание своей педагогической деятельности публикацией стихов в поэтической антологии.

Cogito ergo sum

Я ровесник холодной войны,
Помню в космосе Белку и Стрелку,
Первый спутник великой страны
И с Китаем торговую сделку.

Помню доброго дедушку *Хрю* —
Я с младенчества шибко картавил.
К счастью, этот дефект, говорю,
Ни один логопед не исправил.

Так, к великой причислен семье,
Я родился в эпоху Хрущёва,
Занимаю здесь место своё
С пятьдесят, дай бог память, седьмого.

Ясно помню гагаринский старт,
Кулунду, целину, посевную.
И, как некогда молвил Декарт,
Худо-бедно ещё существую.

Знак

Если Ты есть, дай знак —
Пусть это будет свет.
Пусть остаётся мрак,
Если Тебя здесь нет.

Жизнь мою спрячь в кулак
И отпусти потом.
Но перед тем дай знак,
Чтобы я был готов.

Я не забыл свой мрак,
Мне и держать ответ.
Если бы Ты дал знак —
Пусть это будет свет.

Парафраз

Шестипалой неправды еловый шалаш,
И над ним на шесте возвышается наш
Вождь незыблемый — в виде портрета.
Лес, безмолвствуя, смотрит на это.

На портрете и китель его, и усы,
Что раздвинуты в стороны, точно весы,
Симметрично — налево, направо —
Взвесь, *Верховный*, на то твоё право...

Упыри угощенья несут к шалашу,
У неправды прощенья пойду попрошу.
Мол, прости, шестипалая ведьма,
Бес попутал, шатаясь, намедни.

А она мне из бочки *солёных грибков*,
Самых маленьких, тех, что любил Маленков.
А она мне *ребячьих пупочков*,
Гроб сосновый, рубаху-сорочку,

«Беломор», мухомор да осиновый кол,
Чтоб я из лесу этого на хрен пошёл.

Хищник

Эта хищная жизнь мне вконец заморочила голову,
Уши кроличьей шапки друг с другом потуже свяжу
И пойду, огрызаясь, как кролик, по мокрому городу, —
Дождь со снегом и смог, ну а я в этом смак нахожу.

Я читаю у Блока про пьяниц, похожих на кроликов,
Но всё чаще встречаю — с глазами волков и лисиц,
Разодетых и хищных, коварных, шерстистых и холеных
В массе куцых хвостов и линялых к весне власяниц.

Что, сыграем, судьба, в эти самые крестики-нолики?
Я тебя зачеркну, ты меня приравняешь к нулю,
И пойдём, огрызаясь, как самые ярые кролики, —
Не куда-нибудь в лес, а в разверстую волчью нору.

Лес

Не входи в этот сумрачный лес,
Здесь фиктивны и слово, и голос.
Фрикативную массу словес
Ротовая исторгнула полость.

Звуки прочно скрепила слюна,
Обнаружилась прорва, зиянье
Носоглотки. Какого рожна
Лезть в обдорское языкознание?

Никаких лингвистических школ,
Никакой эвфонии наружной.
Лес заснежен и призрачно гол.
Но входить в него так ли уж нужно?

Здесь зимует один следопыт,
Узкоглазый Дерсу — уссуриец.
Он на лыжах широких скользит,
Как на крыльях стрекоз ассирийских.

Он услышит — и вскинет ружьё,
Прогремит троекратное эхо.
Только слух, превращённый в чутьё,
Гарантирует качество меха.

Снегири

Снегири, как упыри,
Снегири, как те вампиры,
К нам на зимние квартиры
Прилетели, посмотри.

Я их видеть не могу
С их системой кровеносной,
С тёмной кровью их венозной
В зимнем парке на снегу.

Мне милее воробей,
Городской наш обыватель,
В неприметном сером платье,
В робе простенькой своей.

Анна, Астрахань и звёзды,
Ханский небосвод.
Обогнул песчаный остров
Стеньки грозный флот.

Вид челнов разнообразен,
Стяги, знамена.
На переднем Стенька Разин,
Рядом с ним княжна.

Воля вольному, гуляет —
Волга как-никак!
Свадьбу новую справляет
Удалой казак.

Вдруг затишье, смех всё реже.
Аль не все хмельны?!
Из-за острова на стрежень,
На простор волны.

Реки все впадают в Лету —
Вариантов нет.
Спой мне, Анна, песню эту
Через много лет.

Мнемозина

Память, память, опять ты внушаешь
Что-то помнить по воле твоей,
От Альцгеймера нас избавляешь,
Водишь за нос, как малых детей.

Вот и я, сторонясь Паркинсона,
Завязав узелок поутру,
Сонных Парок спешу урезонить,
Доказать, что не скоро умру.

Звяжи узелок, Мнемозина,
Мне на память. Я весь в узелках,
Не могу даже и половины
Развязать и связать их — в словах.

36

Днём на что-то ещё я способен,
Но как только смеркаться начнёт,
Слышу прялку — моей ли особе
Парка сонная молча прядёт?

Память, память, ещё хоть немного
Мне извлечь из чертогов твоих,
Жадно глядя с небес на дорогу
В стороне от печалей земных.

Тоска по Томску

Это он, ускользящий контур знакомого дома,
Он возник ниоткуда, как будто из небытия.
За трамвайным окном силуэт деревянного Томска,
И тоской захлебнулась былая весёлость моя.

Как я мог променять пребыванье на улице Фрунзе
И беседу за чаем, когда надвигается мрак,
На невнятные шёпоты что-то лепечущей музыки,
На щепотку тоски и скрипучий трамвайный зигзаг?

Как я мог променять этот контур и эту мансарду,
Этот снег за окном, этот томский мифический сон
На желание быть одному, на дорогу к вокзалу,
На пустой прицепной полутёмный холодный вагон?

Помню, помню тебя, чуть наивную юную музу,
Деревянный фасад с окантовкой узорной резьбы,
И беседу за чаем в мансарде на улице Фрунзе,
И скрипучий зигзаг повернувшей внезапно судьбы.

Солотча

Помню сосны Солотчи, стеклянный скелетик полыни,
Польную одиночества в небе, как в белой пустыне,

Кругосветную посолонь, лунные тихие канты,
Око ближней Оки, руки матери божьей Оранты,

Хор далёкой Мещёры, и галочий крик, и сорочий,
И рязанскую Хлою, колючую хвою Солотчи.

Шахматово

Если ехать от Москвы на север
И слегка на запад забирать,
Край найдёшь, где тишь и благодать,
Подорожник, одуванчик, клевер,
Блоковская в клеточку тетрадь
И такой простор в простом напеве,
Что не повторить, не передать.

Край холмистый облачный былинный
Заповедный шахматовский край,
Липою, усадебной малиной,
На ветру дрожащею осиной,
Серебристым тополем встречай,
Тенью Блока с профилем орлиным
Облака и тучи помечай.

39

Дорог мне твой слог немногословный
И немного затрапезный вид,
Северный, по-деревенски скромный,
Он о тёмном прошлом говорит.
Ель высокородная стоит,
И лесной Элизий подмосковный
Тихо, как при Блоке, шелестит.

Мне в больнице плохо спится,
Боль у правого виска,
Тихо ноет поясница
После пункции. Тоска.

Капельницы, словно цапли
Белоногие, стоят.
Унции, секунды, капли —
Всё они склевать хотят.

Кап да кап... Как будто дует
Капельмейстер в свой рожок,
Капелевцы маршируют.
Капилляры, кровоток.

40

Как же слаб ты, головастик,
Головной глазастый мозг!
Если шибко будешь хвастать,
Цапля хватъ тебя за хвост!

Спрячься, глупый лягушонок,
Схоронись и не блуди,
Из болотца, как ребёнок
Без отца, на мир гляди.

Всё, как в капле, отразится,
И пригрезятся, как встарь:
Капельница, *ночь*, больница,
Блок, бессонница, *фонарь*.

Боль

Отпусти. Я сделаю что хочешь,
Не держи на строгом поводке.
Если сумасшествие отсрочишь,
Приложусь щекой к твоей руке.

На лежанке, крохотный котёнок,
Спрячу когти, буду начеку
И улягусь в позе эмбриона
В печку, за загнетку, к чулунку.

Благодать и ангелы благие!
Боль моя, за всё меня прости.
Я всё понял. Понял всё впервые.
Сделаю что хочешь. Отпусти.

Гнедич

После осложнения от гриппа
В Петербурге тихо умер Гнедич,
Как дикорастущее растение,
Умер без дворянской родословной,
Без детей, одетых кем-то наспех,
И без сводок о температуре,
Умер без друзей и без жандармов,
Без прощальных слов от государя
И без толп, стоящих на морозе,
Без конвоя конного у церкви,
Без судебных тяжб и разбирательств,
Умер сам себе без Бенкендорфа,
Без стихов ретивого корнета,
Без десертной ложечки морошки,
Умер вместе со своим Гомером.

Сад

Неспокойно вдруг стало, внезапная дрожь и движение.
Слива с ветки упала — сработал закон притяженья.

Грозовые порывы полночного летнего ветра,
И от тяжести сливы избавлена тонкая ветка.

Причитанье цикады, подобие тихого плача.
Я от жизни пощады не жду, а от смерти тем паче.

Неужели, природа, не сделаешь мне одолженья,
Не смягчишь хоть на йоту суровый закон притяженья?

Я хочу, чтобы ветер у этого сада и дома
Укрепил меня в вере, что всё-таки жизнь невесома.

Ночью жизнь невесома и ангелы лёгкие реют,
И лелеют влюблённых, а нелюбимых жалеют.

На улыбке усталой сияет ночная прохлада.
Слива с ветки упала — и вот она, спелая, рядом.

ГИНКГО

Стоишь, иероглиф ветвистый,
Напомнив мне хокку про осень,
Про сбор белоснежного риса,
Про нэцкэ и коврик японский.

Про тёплое море и вечер.
Как будто мне с листиком гинкго
Блуждать по Японии вечной
В толкучке блошиного рынка.

Во сне, с непонятной тоскою,
В далёкой реликтовой чаще,
Как веером гладить рукою
Японское дерево счастья.

Семирамида

Листву сжигаю. Зимний Симеиз,
Соизмеримый разве с мирозданием
По части пустоты. Дубовый лист
Сворачивается перед закланьем,

Дымится и противится огню.
Я в санатории работником хозчасти
Служил, смеясь, надеясь, что сменю
Хитиновый покров советской власти

На греческий хитон. Всегда, увы,
Прозрение приходит с опозданием.
Беспламенное тление листвы,
Воспоминанья облагая данью,

Отечеству противопоставляет
Дым, только дым — и больше ничего.
И кажется, что *роща потряхает*
С нагих своих ветвей лишь для того

Последние листы, чтоб я их жёг.
Семирамида. Симеиз. Смолистый
Дымок костра от ветки кипариса.
Висячие сады закрыты на замок.

Яшма

Безжизненный кустик полыни,
Уныние, пустошь и грусть.
Среди коктебельской пустыни
Улягусь, на дно погружусь.

И тут же, как средства общенья,
Мне будут дарованы вмиг
И остекленевшее зренье,
И окаменевший язык.

Чтоб, лёжа на дне среди яшмы,
Ракушек, покрытых песком,
Смотрел я на время бесстрашно
И рыб говорил языком.

46

Беззвучную речь понимая,
К словам равнодушие питать.
На всё беспристрастно взирая,
Как яшма, на дне возлежать.

Обломок

Вот обломок греческой вазы,
Поднят он со дна в Херсонесе.
Откололся, как слог от фразы,
В речевом, вековом процессе.

Он очищен от наслоений
И давно отлучён от моря,
От подводных его течений,
От бесщётных его историй.

Как немая окаменелость
Из былого палеозоя,
Он лежит, от времени белый,
В неизменном своем покое.

Он пылится на книжной полке
И, как некое равновесье,
Сохраняет связь с тем обломком,
Что лежит на дне в Херсонесе.

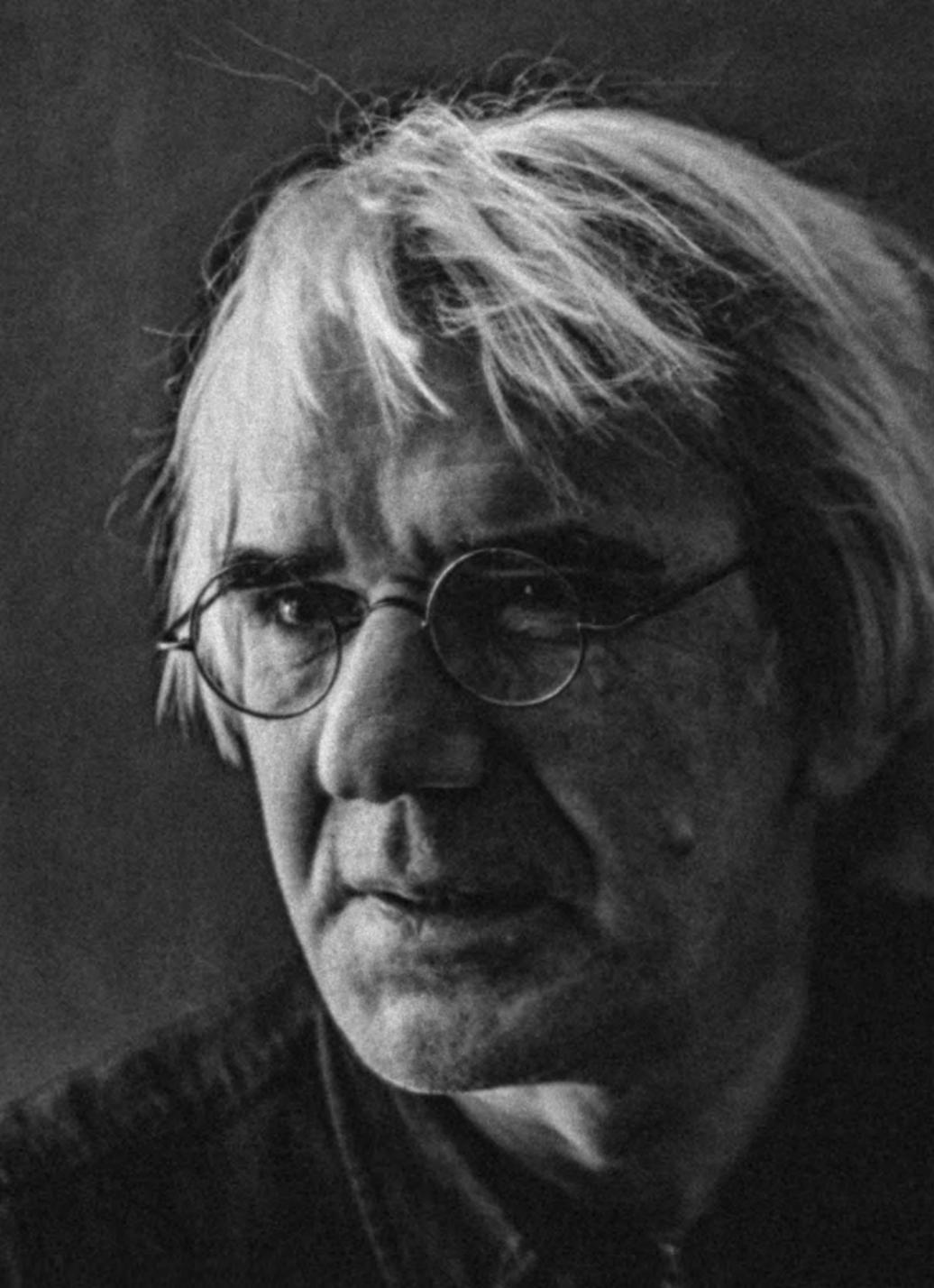
Расстрел

Памяти Вениамина Бабаджана

Он судорожно снял очки.
Чуть треснуло стекло в оправе,
Когда прикладами в толчки
Согнали их к одной канаве.

Конвой встал в линию. Вдали
Всё так же море голубело.
Команда «цельсь!». Команда «пли!».
Раз плюнуть. Конченное дело.

Как враг народа, враг страны,
Он был расстрелян без пощады.
И заглушали плеск волны
Феодосийские цикады.

Александр Ахавьев

Родился в 1960 г.

Если верить врачам, то укусы сколопендры (*Vyriapoda*, класс членистоногих) не бывают смертельными — они вызывают только местную опухоль и незначительную боль, продолжающуюся обычно около двух часов. Так, спрашивается, зачем она, дура, имея такое ужасное название, вообще кусается, если с этого толку никакого — ни ей, ни людям? Такая вот странная и непонятная вещь. Уму непостижимая.

Из рецензии «Ассакамури» как сколопендра новосибирской сцены» на спектакль «Ассакамури» новосибирского театра С. Афанасьева по пьесе драматургов Д. Рябова и Ю. Чепурнова, 2003 г.

Встреча

По горней, по небесной тверди
Идёт торжественный Христос
Под музыку Джузеппе Верди*.
Быть иль не быть — да не вопрос.

Хоть на челе его усталость,
Проникновенно смотрит он:
Лишь только попросить осталось,
Тыдыщ, тыдыщ — и ты спасён.

Увы, уже пропел алектор,
И на устах моих печать:
Меня предупреждал директор,
Чтоб я не смел озорничать.

Я опускаю очи долу,
Я олицетворяю грусть.
Наверно, опоздаю в школу.
Да ну и ладно, ну и пусть.

* Имеется в виду «Марш победителей» из «Аиды».

Баллада о Владимире и Фанни (Гипотетическое происшествие на заводе Михельсона 30 августа 1918 года)

Мария глядит и рукой шевелит
и тонкой ногой попирает листы

Даниил Хармс, 1927 г.

Допустим, что однажды летом,
Смирненно отстояв молебен,
Выходит тётка с пистолетом
И говорит: «А где тут Ленин?»

А Ленин — где? — читает речи,
Ладонью рубит сжатый воздух,
Чтоб Михельсон сутулил плечи
И пятился, как жук навозный.

52

Вдруг Ленин — сразу перед тем, как
Рвать воздух аж двумя руками —
Легко сбегает по ступенькам
И говорит: «Но где же Фанни?..»

Он говорит: «Святая дева!
Пускай всё будет справедливо!» —
Он вспомнил, как она глядела
И как рукою шевелила;

Он запекает аллилуйю —
Забыв — как о народных массах —
Так и о том, что словит пулю
И будет корчиться в гримасах.

Но в самом деле, где же Фанни? —
Идёт сквозь адский шум завода
И дышит вовсе не духами,
А смирной, молоком и мёдом,

И мушку совместив с прицелом,
Глядит спокойно, как мадонна.
А Ленину не страшно в целом,
Хотя немного неудобно.

...Недолго будут у обоих
Глаза прищурены и строги:
Патроны кончатся в обойме
Куда быстрее, чем эти строки;

И с грустью на физиономьях
Стигматы будут мазать йодом
Бухарин, Троцкий и Зиновьев,
Ну, и ещё не знаю, кто там.

Александрю Пименову

Литературная среда всегда любила старый фокус,
Когда все смотрят не туда, в биноклях поправляя фокус.
Конечно, вся эта ботва обречена гореть в гееннах,
И всё же, тема воровства как гвоздь засела где-то в генах.

Формировать менталитет совсем не просто трали-вали,
Что наш писатель, что поэт — все непременно что-то крали:
У обывателей пальто, а у чиновников шинели,
И даже Пушкин кое-что стащил из Байрона и Шелли.

54 Украл царевич Елисей всю популяцию жар-птицы,
А мещанин хлебал кисель да перелистывал страницы.
Он сказки русские ценил как совершенство ширпотреба,
А в это время Крокодил конкретно тырил солнце с неба.

Здесь нужно сделать поворот для полемической интриги:
В те дни покорный наш народ могли утешить только книги
О муках маленьких людей и бедах небольших животных,
В которых не было идей или материй сильно модных.

Но даже ежели признать, что там не только воровали —
Порой бросались погибать под поезда и под трамваи —
Пример тургеневской Муму и опыт чеховской Каштанки
Не научили ничему. Добро пожаловать под танки.

Выходит, каждому своё: равны по меркам абсолюта
Писателей житьё-бытьё и бытие простого люда,
В чём понимании простом все либеральные идеи
Смертоубийства с воровством гораздо, может быть, вреднее.

На что нам Индиана Джонс с дурацким поиском ковчегов:
«Быть или не быть» стоит вопрос.

...И всё-таки, причём тут Чехов? —

Ушёл в небытие, во тьму, — по справедливости уж там-то
У Чехова своя Муму, а у Тургенева — Каштанка.

Старый польский романс

(исполняется на мотив «Утра туманного»)

Умбра и охра — краски казённые,
При жизни к смерти приговорённые.
Кровь, засыхая, становится бурой,
Пуля, ржавея, состарится дурой.

Мысль изречённая в дело не годна
И извлечённой пуле подобна.
Вот и в предсмертной записке — ни слова,
Там только время — четверть второго.

Если ни слова по-польски — так что же...
Что тебе Польша, и на́ что ты Польше?
И ко всему этот час — 1.15 —
56 Непоходящий, чтобы стреляться.

Вся поседелая, молью побитая,
Что ж ты наделала, Речь Посполитая...
Умбра и охра — краски печальные —
Цвета тоски без оттенка отчаянья.

Девочка с зажигалкой

Девочка с зажигалкой —
Это как Антиандерсен:
Ангелу смерти не жалко,
Но явно ошибся адресом —
На семьдесят лет, а не минут
Ещё хватит бензина.
Нескладно вышло, да и зовут
Не Тильдой, а Зиной.

Девочка с зажигалкой —
Это как Антиамундсен:
Слова «извини пожалуйста»
Не изменяют градуса
Поворота руля и ветрил
Внутри неё ни вправо, ни влево —
Будь ты хоть ангел Азраил,
Хоть Снежная королева.

Девочка с зажигалкой
Совсем не та, что со спичками:
Смерть глядит на нахалку
Своими очами токсичными,
Считает до трёх, десяти, ста —
Никак не дождётся спасибо.
Гори, гори, твоя звезда
По имени Зиппо.

Я люблю

(из цикла «Кощунство»)

Люблю я всё, что не любил Высоцкий,
И не намерен это отрицать.
Его капризов список идиотский
Готов я идиотским нарицать.

Исполненный уверенности сытой
Готов я, словно нильский крокодил,
Оплакивать пороки разных типов —
Поскольку их Высоцкий не любил.

Готов весь день читать чужие письма,
Заглядывая всем через плечо.
Готов невинных я за сиськи тискать, —
58 Высоцкий был бы против — ну и чё?

Люблю фатальные исходы в морге,
От жизни устаю за пять минут.
Порой люблю, когда мне бьют по морде,
Тем более, когда в неё плюют.

Люблю, когда в кино про партизанов
Фашисты произносят слово «хальт»,
Люблю, когда кривляется Хазанов,
Или когда два пальца об асфальт.

Мне нравится, когда наполовину,
А лучше вообще на одну треть.
На взрезанные брюхи у дельфинов
Как на Джоконду я люблю смотреть.

Люблю смотреть на сломанные крылья
(Гагарин долетался вон, артист);
Ещё люблю насилье и бессилье —
Не как латентный садомазохист.

И жизнь моя, как солнышком, согрета
Мечтой однажды увидеть в окне
Как континенты и все части света
Лежат на дне или горят в огне.

Кавалеристская похмельная

В слове «водка» три согласных,
Несогласных как бы нет.
До сих пор таких соблазнов
Избегал военсовет,

А братишечка Будённый
Избегать не захотел,
И теперь от Первой конной —
Штабеля похмельных тел.

60 Пьянство — наш театр абсурда,
Колыбель народных смут:
Ночью праздник, а наутро
Город белые возьмут.

Водка ещё больше дура,
Чем гражданская война:
Ночью в городе Петлюра,
Утром — нету ни хрена.

Утром ты, солдат, ответишь
За себя и за друзей.
Утро — пытка, утро — это ж
Катастрофа жизни всей.

...По России мчится бричка,
Сзади чёрный пулемёт...
Слишком всё метафорично,
Трезвый вряд ли что поймёт.

То, что в городе нет красных,
Эх, не отвратит конца:
В слове «водка» три согласных,
В пуле девять грамм свинца.

Песня о Есенине

Ой, куплю я «боржоми» бутылку литровую,
Буду пить через силу её,
Да поставлю Von Jovi пластинку хитовую,
Поборов отвращенье своё.

Пойте, пойте свою тарабарщину, черти,
Ой, играй, радиола, играй! —
Сколько раз нас спасал от заслуженной смерти
Наш домашний игрушечный рай,

Сколько раз собирались свозить нас на море,
Когда мы ещё были детьми!
...Так усни, моя радость, усни, моё горе,
Да и всё остальное — усни.

62

Ни единой души из всего населения
Мною, в сущности, не спасено,
Даже воду в вино превращать не умею я, —
Только деньги умею — в вино.

Напишу пару строф — и тону в алкоголе я,
Им, стихам, я не нужен уже:
От яиц Фаберже пользы будет поболее,
Чем от собственно... от Фаберже.

Дай мне лапу, дружок, и не надо подвизгивать,
Забываясь в свою конуру.
Я такой же, как был — молодой и таинственный,
И боюсь, что таким и умру.

Вот, к примеру, берёза: не вечно зелёная,
Станет жёлтой, сменив свой убор,
Только красной, как роза, не может стать она,
Ибо дерево не светофор.

Но пока моя лира ещё синтезирует
Вещество, содержащее сон,
Я пишу эти строки отнюдь не чернилами,
А вот этим простым веществом;

И пока я три раза не прокукарекаю,
Жизнь моя снится вам, а не мне.
И машинка тихонько стрекочет кареткою,
В этот сон пробиваясь извне.

Японская колыбельная

И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждёт уж рифмы розы;
На, вот возьми её скорей!)

Александр Пушкин

Меч хорош для харакири,
Шёлк — для кимоно.
Всё, что делается в мире,
Переплетено.

Как замечено поэтом,
Сакура в цвету.
Ласточка своим пинцетом
Щиплет пустоту.

64

На шкатулке иероглиф —
Буква из трёх слов.
Золотой дракон уродлив,
Он из детских снов.

В комнате предметов много,
За окном — картин.
Слог мой не судите строго,
Добрый господин.

Ширма: на переднем плане —
Жаба, журавли.
А прекрасной Фудзияме
Место там, вдали.

Пресс-папье: под слоем лака
Нарисован лев.
На песке спала собака,
Там теперь рельеф.

Нож для разрезанья писем:
Солнце на клинке.
У лисицы хвост описан,
Зверь бежит к реке.

Чёрный ворон волен каркать,
Воин — пить сакэ.
Как заиндевелый бархат
Горы вдалеке.

Пена на волне подобна
Рваным кружевам.
Потому что так удобно
Думать мне и вам.

Рассказ, составленный по картине И. Репина «Арест пропагандиста»

66

Светало. Патетическая речь
Приобретала формы криминала.
И столь же бледно продолжала течь
Река по пачке «беломорканала»,
Пересекая танин телефон
На цифре 26. Какая жалость,
Что мне спокойно дома не лежалось,
Как людям. А теперь — гляди-ка вон! —
Вся комната у них янтарным блеском
Озарена. На ксероксе нерезком —
Воззвания, содержащие в себе
Не столько вызов, скажем так, судьбе,
Сколь непонятный тезис для народа.

И мне казалось, что сама природа
Там сапогами бухает внизу.
А вот уже на лестничной площадке!..
Я под рубахой знамя пронесу,
Как Лермонтов! И будут взятки гладки,
Как с Репина (он явится, едва
В сияньи дня влетят городовые
Нам надавать селёдками по вые)...
Ах, Таня! Е-4, 26, Е-2!

палец порезал
и матерился сильно
я не был трезвым
как при сепсуке мисима
ползла по коже
первая капля крови
слегка похожа
на песню дэвида боуи
и склонный с детства
к оттенкам вина токая
я загляделся
на то как ей истекаю

моё увечье
прекрасно но пустяково
хвалиться нечем
что тут вообще такого
забыть не так ли
про безымянный палец
да и про каплю
пора но слова остались

Приходите, люди добрые,
Поглядеть на речку-матушку,
Чтобы снова стали добрыми,
Чтобы разогнать тоску.
Вот течёт она по камушкам —
Вся под вечер изумрудная,
А с утра такая ртутная —
По бетону и песку.

68

Приходите, люди добрые,
Поглядеть на речку-матушку,
Хватит вам у телевизора
С холодильником сидеть.
Не ходите в бильярдную,
Не ходите в поликлинику,
А ходите коллективами
Да на реченьку глядеть.

Ничего, что в прошлом августе
Утонула в ней Алёнушка,
И что если вы похмельные,
То бликует по глазам
Эта наша речка-матушка,
Что течёт и изменяется —
То играет чистым золотом,
То бликует по глазам.

Речка — это наше прошлое,
Это наше настоящее,
Потому что настоящее
Объясняется рекой,

Потому что наша родина
Это тоже речка-матушка:

Это наше безучастное,
Это наше бестолковое,
Это наше неизбежное,
Это наше неизбывное,
Это наше безысходное;

Это наше наказание,
Да ещё и оправдание —
Ладно, хоть для дурака.
Потому что речка-матушка —
Наша совесть и бессовестность,
Потому что наша родина —
Наша мать сыра-река.

21st Century Covid Man

Ты вернулся в этот город, надоевший до икоты.
Да, не все, кому за сорок, непременно патриоты.
Где вы, белья вы кони, триумфальные вы арки? —
Ты в отцепленном вагоне — возле... скажем так, Итаки.

Супротив таких вагонов никакого нету средства:
И никто вас не догонит, и никто не сдвинет с места;
Даже если навернёшься с вышины плакатной полки —
На круги своя вернёшься — к низине больничной койки.

Пассажиры смотрят мимо, без участия и ласки, —
Может, ты для них незримый и давно загнул салазки?
«С добрым утром, тётя Рая...», «Доброй ночи, тётя Ада...»,
«Что за станция такая?..», «Далеко до Ленинграда?..»

70

Что бы там поэт ни каркал, а покой никак не снится:
Всё Итака да Игарка, да журавль, да синица.
Птицы, тройки да семёрки... Что за масть пошла такая?..
И — слезой по пьяной морде — время типа истекает.

Сергей Самойленко

Родился в 1960 г.

В подростковом возрасте я играл в шахматы, поздно начал, но годам к пятнадцати доигрался до первого разряда. Тогда же я пытался освоить гитару — но быстро выяснилось, что музыкального слуха у меня минимум. Стихи появились внезапно, из ниоткуда, и сразу же заменили всё, и шахматы, и музыку. Красота и сложность шахматной игры, музыкальная гармония и много чего ещё — всё это открылось в стихах. Сразу стало ясно, что всю жизнь я и буду заниматься только этим, писать в столбик и в рифму. Этим, собственно, с небольшими перерывами, и занимаюсь.

Осыпается с фресок чешуйчатая пыльца,
прилипает к подушечкам пальцев и пачкает губы.
Не о том мы печёмся, что лету не видно конца,
опечалены тем лишь, что движется время на убыль.

Ловят бабочку марлевым рваным двумерным сачком,
в сетке координат не зашив, не заштопав прорехи,
воду льют в решето и решают судьбу пятаком,
но «орёл» выпадает в осадок, на чай, на орехи.

Между эхом и голосом остаётся зазор,
прохудилось пространство, неплотно подогнаны стыки.
Белой ниткой сшиваем оборванный разговор,
вяжем лыко со смыслом, плетём словеса и интриги.

Жизнь короче, чем этот мгновенно сгорающий день.
Только бабочка знает секрет бесконечного лета.
Удивление длится, пока удлиняется тень,
и кончается, прежде чем пепел стряхнёт сигарета.

Отцвели уж давно на верандах резных граммофоны,
паутиной затянута раструбы мёртвых цветов,
и пчела, проникая в опальное полое лоно,
не отыщет ни тени, ни эха былых голосов.

И смущённая этой оплошностью, пыль вековую
ворошит и, на край заскорузлой пластинки присев,
хоботок наугад погружает в бороздку немую,
и взлетает поспешно, молчания не одолев.

Опылять этот медный гербарий — последнее дело.
На отпетых верандах той музыки нет и следа.
Открутилась пластинка, тупая игла отхрипела,
и сезон медосбора закрыт в заповедных садах.

В небо зарыта игральная кость.
В воду забит нержавеющей гвоздь.
День обращается в вечер.
В отполированной шляпке гвоздя
отображается запах дождя
и отражается ветер.

В сквере играет квартет домино.
Двигается глухонемое кино
по направлению к ночи.
Четверо плотников строят ковчег,
вспять обращая течение рек;
труд их почти что окончен.

В небе восходит игральная кость.
Зреют созвездья, зажатые в горсть,
и на табло гороскопа,
на концентрических складках воды
мелом начертаны знаки беды
и вероятность потопа.

Гвозди забиты в игральную грань.
Голубь летит сквозь горящий экран
и возвращается снова.
Сфера старательно вписана в куб,
и отражается в шелесте губ
профиль летящего слова.

Сельская местность в потёмкинской волости
с лампочкою Ильича.

Ночь шевелит поредевшие волосы
на голове рифмача.

Небо с серпом над откосами августа
вызвездило на заказ.

Глаз как у многоочитого Аргуса —
все они смотрят на нас.

Звёзды висят над поволжской губернией
и осыпаются ниц.

Кто здесь поверит в систему Коперника,
кроме деревьев и птиц?

Падают с неба адамовы яблоки
в старый запущенный сад,

землю дубасят пудовыми ядрами,
терпкую, как виноград.

Северный ветер студёным дыханием
галок загнал под застрех.

Сердце, не зная законов механики,
падает, падает вверх.

Серый туман папиросной бумагою
кутает воды и твердь.

Навзничь на стог свежесметанный лягу я.
Здравствуй и ты, моя смерть!

Скоро мы станем азотом и фосфором,
пищей червя и грача.
Кровь моя, теплохолодная с возрастом,
что же ты не горяча?
Станем в процессе реакций химических
коловращеньем частиц.
Сорокаваттный огонь электрический —
вот он, мой Аустерлиц!

Старость не радость, без всякого якого,
локти кусай не кусай.
К осени падают райские яблоки,
падает в поле роса.
Небо стоит над колхозным коровником,
держит созвездья в узде,
с вечера свет зажигая в терновнике,
в каждом терновом кусте.

Среди заборов и задворок
стоит в пространстве без подпорок
шестиугольный снегопад.
Он держится на честном слове,
но тут с лопатой наготове
выходит дворник Калистрат.

Зима вот-вот должна начаться,
внимательные домочадцы
глядят с тревогой на челе,
как дворник в ожиданье снега
изображает человека
с большой лопатой на плече.

78

Вот ночь доходит до упора,
и в зимних головных уборах,
слегка надетых набекрень,
проходит дворников колонна,
подняв лопаты, как знамёна,
сгребая в кучу светотень.

И снег уже боится падать,
кругом измена и засада,
кругом свистки и грозный смех.
Кругом кричат: «Держите вора!» —
и снег сгорает, словно порох,
в ладонях, обращённых вверх.

Мы пьём забродившее время и держим стаканы
с горячей апрельской лазурью на уровне глаз.
Прищурившись, смотрим сквозь воздух гранёный,
стеклянный,
и долгие гласные цедим, хмелея, смеясь.

Смеясь и хмелея, глядим друг на друга и мимо
сквозь пристальный воздух,
сквозь призму слепого дождя.
У слов нет значения и смысла, у пламени — дыма,
и вечер — не дружба ещё, но уже не вражда.

Случайная встреча продлится, быть может, до гроба.
От неосторожного смеха рождается гром.
Созвездья кишат, как в прозрачной пробирке микробы.
Мы сходим с ума понемногу, глоток за глотком.

79

Мы заболеваем, раскутывай шарф прошлогодний!
Головокруженье нас с ходу берёт в оборот.
Прошедшего времени не существует сегодня,
жизнь сдвинулась с места и начался ледоход.

И нам остаётся, лишь пальцы разжав, удивиться,
как нехотя падает на пол стакан, и смотреть,
как долго, как медленно падает, чтобы разбиться,
и вдребезги бьётся, ещё не успев долететь.

Я просыпаюсь среди ночи
и слышу, как на шахте дальней
чугун и уголь что есть мочи
пугают сон индустриальный,
как эта ночь стучит зубилом
или отвинчивает гайки,
куда чернее, чем чернила
в чернильнице-непроливайке.

80

Она катает вагонетки
по всей длине узкоколейки,
и пыль с черёмуховой ветки
трясёт на ветхие скамейки
под сенью крошечного сквера
с остатком гипсовой скульптуры
не то героя-пионера,
не то чумазого амура.

Осколки белоснежных пугал
давно уже черней, чем негры,
и гипс напоминает уголь,
которым столь богаты недра.
Скажи спасибо рудознатцам,
до ископаемых охочим,
иначе бы откуда взяться
здесь этаким чернорабочим.

Но дело прошлое, чего там,
а нынче ночь не бьёт баклуши,
стучит железом, как по нотам,
так, что закладывает уши,
пугая сон провинциальный,
смущая мёртвые отвалы,
колотит ночь на шахте дальней
куда попало, чем попало.

Цистерны нефтеналивные,
платформы, полные песка.
Рукой железной не впервые
берёт дорожная тоска
за горло — жив ещё? — за жабры.
Ну, с Богом, трогай как-нибудь!
Безжизненный пейзаж державы
не даст ни охнуть, ни вздохнуть.

Лесные и лесостепные
развалы гаснут за окном.
Скрипят колодки тормозные,
и стрелочники с фонарём
в шпалопропиточных ландшафтах
встают встречать локомотив
в шинелях и собачьих шапках,
глаза от ветра заслонив.

82

Экзотика согласно КЗОТа:
мелькнёт оранжевый жилет,
ударит запах креозота
и загорится красный свет.
Живая ниточка Транссиба,
чуть дребезжащая струна,
держи меня, как леска — рыбу,
веди и поднимай со дна.

Топки, Болотное, Барабинск,
стоянка полминуты, чай,
в кроссворде — реверс и анапест,
в купе — попутчик краснобай.
Так анекдоты бородаты,
что лучше лечь лицом к стене
и видеть вёрсты полосаты
в бездонном пассажирском сне.

Яне Глембоцкой

Появись я на свет с мельхиоровой ложкой во рту,
я б уехал из этой страны, я бы сделал ту-ту
в направлении Парижа, я знаю, что только в Париже,
если встанешь на цыпочки, небо становится ближе.

Я читал бы в газетах о Ельдине и о Чечне,
обитая в мансарде под самую крышей, а не
на куличках бесспорно прекрасного нового мира,
где моё поколение грудью стоит у кормила.

84

Я ушёл бы от ваших и наших, как тот колобок,
и глядел бы, как Сена течёт под мостом Мирабо,
и, шатаясь весь день по бульварам,
смотрел бы сквозь слёзы
на Париж, расцветающий в дождь, будто серая роза.

Я сидел бы в кафе, пил свой кофе, и день изо дня
видел женские ноги, идущие мимо меня,
я курил бы «Житан» натошак и пускал кольца дыма,
голова бы шла кругом, а ноги — всё мимо и мимо.

Я бы с первого взгляда узнал Утрилло и Моне
в этих улочках узких — я часто их вижу во сне,
я пьянел бы от запаха — вот как их жарят — каштанов,
непременной детали знакомых со школы романов.

Вот он, праздник, который не будет со мной никогда,
потому что не ходят на запад мои поезда,
и с рожденья во рту вкус железа оранжевой масти,
и не делится надвое сумма любви и несчастья.

И умру не в Париже я — в Богом забытой дыре,
в захудалом райцентре, пристроившемся на бугре,
здесь и на три аршина в земле — небо всё-таки ближе,
чем Париж, но Париж я уже никогда не увижу.

В чём только теплится душа,
зима который месяц кряду.
Двойные рамы продышать
труднее, чем дышать на ладан.

Нет силы отвести глаза
от кованных узоров окон,
лишь постепенно замерзать,
заматываясь в сон, как в кокон.

Спелёнутый, как фараон,
рулоном глянцевого бумажки,
ты спишь и видишь третий сон
в своём хрустальном саркофаге.

86

Спи, летаргические сны
смотри на окнах ненаглядных,
за пазухой большой страны,
под языком с таблеткой мятной.

В пыли снотворной, ледяной
спи, сон твой слаще люминала,
бездонный, медленный, цветной,
как карандаш внутри пенала.

Спи, погружаясь с головой
в коробку «Сакко и Ванцетти».
У снегопада под полой
все сны, что есть на этом свете.

В одном из них твоя душа,
укрыта одеялом ватным,
глядит сквозь слёзы, не дыша,
как с перочинного ножа,
летит на белый-белый ватман
цветная пыль карандаша.

Весь прошлый год я жил на кочерге
в стране, которой не было на карте,
как шкура неубитого медведя
лежащей поперёк материка.
Я обитал в шахтёрском городке,
как Алексей Максимович на Капри,
имея в собутыльниках соседа,
сибирского простого мужика.

Весь прошлый год я не писал стихов,
лишь выходил сдавать стеклопосуду.
Встречая на пороге почтальона,
я говорил, что это не ко мне.
А если был с утра совсем плохой
и чувствовал, что повреждён рассудок,
сосед меня лечил одеколоном
и сообщал, что нового в стране.

88

Сосед был не дурак принять на грудь.
Мы сели в сентябре, а встали в марте,
когда допили до последней капли
запасы самодельного вина.
Вверх-вниз скакала в градуснике ртуть,
в глазах троились контурные карты,
серп месяца, кривей турецкой сабли,
глазел в квадрат разбитого окна.

Пока мы пили горькую, на нет
сошла зима с дистанции загула,
и съёжилась шагреневая кожа
державы, на дрожжах разбухшей вширь.
Из крана капала вода. Сосед
загнулся на полу, упав со стула.
Спросонья штору било крупной дрожью
и распирало мочево́й пузырь.

Я похмелился. Наступил апрель,
и не спеша на горло наступила
неведомая новая эпоха
высоким косолапым сапогом.
Мне по мозгам ударила капель
с утроенною силой, как зубилом,
и я успел подумать: как мне плохо! —
сгорая без огня, как самогон.

десять лет по самые помидоры
нулевые с праздником до колена
раскатали сивке золотые горы
отворили дуньке врата шенгена

три сестры увидели небо в стразах
свет нездешний забрезжил в кротовых норах
налетай сограждане нефтебазы
причаститься щедрых даров пандоры

потому что гонялись за дешевизной
обещали счастье для всех и сразу
поднялась с карачек моя отчизна
и накрылась родина медным тазом

90

потому что страна у нас не жилища
а куранты не сдвинутся с мёртвой точки
мы заплатим проценты свои сторицей
за любовь в аренду за смерть в рассрочку

недружная весна идёт как из-под палки
сосулек бахрома висит ни в зуб ногой
кто в лес кто по дрова вороны или галки
галдят заупокой

февраль от слова арт рифмуется с артрозом
кругом сплошной грабаль берлинская лазурь
суставами скрипят больничные берёзы
не бзди глаза разуи

снег ноздреват и рыхл он держит нос по ветру
предчувствует апрель по первое число
а мне отшибло нюх я ничему не верю
тем более в добро

предполагая жить хоть чучелом хоть тушкой
гляжу на белый свет сквозь чёрные очки
пока над головой не грянут как царь-пушкин
саврасовы грачи

киноварь краска дня
охра и хром в палитре
ляпнет знаток мазня
хрен просышь без поллитры

рощи парча горит
вяз карагач рябина
брякнет эксперт нефрит
яшма янтарь рубины

осень ответил я б
лето добавил бабье
с рябью в глазах сентябрь
пруд покрывает рябью

92

сыпется сверху вниз
перхоть берёз и клёнов
ржа пожирает жизнь
ту что была зелёной

дутая листьев медь
лес разодет в лохмотья
каркнет ворона смерть
и не поспоришь вот я

Борис Гринберг

Родился в 1962 г.

Сказано — «не дай вам бог жить в эпоху перемен». Как жить, если он дал, — не сказано.

Сменились века, тысячелетия. Даже страны, в которой родился, — нет. Эпоха перемен. Идеологии, технологии, политика, спорт, искусство — всё меняется с дикой скоростью.

С Востока надвигается радикальное средневековье, плюющее на права человека. С Запада — под лозунгом защиты тех самых прав — не менее радикальный либеральный фашизм, подающий смертные грехи как жизненные ценности...

94

Как сохранить баланс внутри себя, не уходя в виртуальную и/или наркотически-алкогольную реальность? Для меня выход — стихи, слово. Логос. Иного не нашёл, да и искать не хочу. Слово — мой мир, моя жизнь, мой бог.

девочка плачет
я больше не буду
за мамой я больше
несётся не буду
и плачет и плачет
я больше не буду я
больше не буду

так все мы когда-то
я больше не буду
кричали и плакали
больше не буду
когда же отчётливо вдруг понимаешь
что больше не будешь
что ты лишь однажды
и больше не будешь не будешь не будешь
становится страшно
и хочется плакать

представить разве мог,
не верится, скажи,
что в десять тысяч строк
уместится вся жизнь.
а если не считать
никчёмных, проходных...
жизнь — тонкая тетрадь.

не хочешь полистать
на выходных?

Небрежно гул метро ломая
Ногтями цвета чернослива,
Болтливая глухонемая
Глухонемой, но молчаливой
Плела восторженное нечто,
Возможно чушь, но может... Может,
Она слагала слово «вечность»
Из льдинок взглядов настороженных.
И я глядел. Не понимая,
Внимая просто, как счастливо
Болтливая глухонемая
Глухонемой, но молчаливой
Плела восторженное нечто,
Возможно чушь, но может... Может...

В огороде бузина,
Или что-то вроде.
Под окном всю ночь одна
Сволочь бродит.

Дядька в Киеве помёр,
Не дыша на ладан.
Он пройдоха был и вор...
Ну да ладно.

Хоть какой, а всё же брат
Был один у мамы.
Завалил его фанат
Их «Динамо».

98

И ведь не за то, что вор,
По кадык наколки —
Из-за надписи «Шахтёр»
На футболке.

Дядька ж даже не болел,
Снял, поди, с кого-то,
Но достала между дел
Нож сволота.

Вот такая же, как там
Под окошком спорит...
— Мам, схожу я, аз воздам.
Где топорик?

Рот до ушей никогда не умел,
Глаза разучились навзрыд.
Сделано столько никчёмных дел,
И столько зряшных обид
Было получено, нанесено.
И ведь никто не хотел...
Глаза разучились, и очень давно.
А рот никогда не умел.

Письмо Даниэлю Ортега

Господин Президент, Вы устали.
Вам пора. Вам пора отдохнуть.
На строительстве вертикали
Вы здоровье своё подорвали,
Вы устали, и мы не из стали.
Но мы справимся тут как-нибудь.

Вам не слышно, что шепчет лавина?
То же, что белоснежная лента:
Что всё больше в Вас Господина,
Что всё меньше в Вас президента.

На коленях (а как же иначе,
Мы же все от рожденья — на них)
Умоляем, езжайте на дачу,
Что нам, жалко каких-то барвих?

Отдохнёте лет десять-пятнадцать...
Может, двадцать... Ну, как повезёт.
Вас народ перестанет бояться,
Добрым словом помянет народ.

Не волнуйтесь. Мы Вас не забудем.
Будем помнить и ночью и днём.
Мы — страна. Мы хорошие люди.
Но давайте мы все отдохнём.

все президенты императоры
и шахи и премьер-министры
мечтали в детстве стать пиратами
ну на худой конец таксистами
ну в крайнем случае пожарными
иль космо-астро-тайконавтами
но уж никак не править странами
да всеми правдами неправдами

Оттого и воюем брат брата мы,
Что ведут нас, от скуки неистово,
Не достигшие, глядь, стать пиратами,
Не сумевшие стать, глядь, таксистами.

В старой кроличьей ушанке,
С балалайкою под мышкой
Из-за гор Новосибирска
Пьяный русский космонавт
Надвигается сурово
Под калинку и малинку,
На груди его тельняшка,
А на ней нательный крест.
Под тельняшкою татушки —
Сталин, Путин и Маринка —
Да казачья нагайка
В правом валенке торчит.
В левом сапоге кирзовом
Две любимые матрёшки
И ещё одна в кармане
Тёртых джинсов на меху.
У него «калаш» под мышкой,
Под другой, чем балалайка,
И дымит он папироской
Бийский «Беломорканал».
Он грядёт весёлый, страшный
И пугает дядю Сэма
Мирумиром, и балетом,
И загадочной душой.

Меня учили дисциплине,
Сотне дисциплин.
А я бежал дорогой длинной,
Где, куда ни плюнь,
Колдуны и великаны,
Гитлер, Чингисхан,
Злобный инопланетянин,
Хитрый лепреккон.
Говорили мне «так надо»
И «вот так — нельзя»,
А я нашёптывал «Гренаду»
Захватчикам назло.
А я командовал фрегатом,
Был мой парус бел,
Стрелял по звёздам из рогатки,
Даже пару сбил.
Потом я вырос. Как-то сразу.
Мир сразу опустел.

103

Достал из тайника два страза
И в небо отпустил.

отражаются в лицах
журавли и синицы
остановки больницы
капучино с корицей
и желанье влюбиться
и попытки смириться
и воздастся сторицей
отражаются в лицах
отражаются в лицах
отражения в лицах

может эта страница
в твоём отразится

Триптих

1

с горизонта человек
смотрит на меня и думает: —
с горизонта человек
смотрит на меня и думает: — ...

2

рассматриваю старую фотографию
где я
рассматриваю старую фотографию
где я

где я?

105

3

Подумал — «Любишь ли?»
А мимо люди шли...
Подумал — люди шли,
А мимо — «Любишь ли?»

Лирический герой

Человечек недалёкий, но близкий —
Мой лирический герой-современник,
Прозябающий в Хреновобиблиосе
Без зарплаты, иногда и без денег,
На правах, как говорится, на птичьих,
Что витанью в облаках не помеха...
Впрочем, чаще — не орёл, так, синичка,
Просто день прожить — добиться успеха.
Мой лирический герой, он — романтик,
Хоть бывает и циничен до боли,
Верит чёрному коту и ромашке,
А тоска накатит — верит и в Бога.
Мой лирический герой вне контекста,
Вне политики, религии, спорта,
106 Быть лирическим ему слишком тесно,
А героем так и вовсе — ссыкóтно.
Мы во многом (не во всём) с ним похожи,
И я думаю, стихи начиная,
Вот сижу, пишу его, но возможно,
Это он сейчас меня сочиняет.

Стою, курю, не нарываюсь.
Рядом в столб машина врезается,
Буквально — рядом. Конкретно — около.
Стоны вокруг, стёкла.
Все живы, и то хорошо.
Штанина промокла.
Не знаю, левая или правая,
Скорее левая. Не знаю, право, я.
Такой вот шок.
Ещё бы — ещё бы вершок..
И не написал бы стишок.

С чемоданом и футляром*

Посвящается А. М. и А. М.

с чемоданом и футляром
я влачусь в центральный парк
где сейчас гуляют пары
выдыхая ртами пар
я приду займу скамейку
или лавочку займу
и не подберу копейку
а десятник подниму
закурю о чём-то вечном
и открою чемодан
чуя как крылатит плечи
рифма коих никогда...
а потом футляр открою
и ныряя с головой
из далёких непокоев
в беспардонный беспокой
я подумаю не даром
и почувствую не зря
я влачился по бульвару
с чемоданом и футляром
с недосыпа с перегаром
на гуляющие пары
зенки красные хмурия

108

* «Чемодан» — книга Анатолия Маковского, «Футляр» — книга Антона Метелькова.

Двустипшие с постскриптумом

на встречу шёл японец
навстречу шёл японец

P. S.

покуда рифму я искал
для первого японца
второй смиренно мир вдыхал
и щурился на солнце
он взглядом змея запускал
(и тот парил на фоне скал)
он смыслы бытия искал
он в круге рисовал овал
он ждал и шёл и шёл и ждал
чтоб я его зарифмовал
уже и рифму я нашёл
какую никакую
а он всё шёл и шёл и шёл
шёл каждый шаг смакуя
он жил и шёл он шёл и жил
не торопился не спешил
ведь он не шёл на встречу
он просто шёл навстречу

слишком много людей. да и всех слишком много
воробьёв, котов, комаров и крыс
слишком много вверх, слишком много вниз
влево, вправо, кругом. слишком много бога
никогда ещё не было так одиноко.

Иду по роще, пишу слова, те, что руке подсказывает голова, пишу аккуратно, чтобы не ранить, избегаю пафосных, игнорирую бранные... Слово, написанное на листе бумажном, в линейку, в клетку, или просто на чистом белом — неважно, это слово, хорошее слово или плохое слово... Словом, слово в котором нет ничего такого этакое. Другое дело — писать на листе кленовом, ещё лучше — дубовом... Конечно, писать на бумаге проще, но я-то иду по роще. Иду, и слова, что в моей голове, пишу на листе. Один оторвался, сжимаю в горсти. И ухожу. А стихи остаются расти.

Тёплое утро. Весеннее тёплое утро.
Волхвуют волхвы, шелкопряды прядут шёлк.
Гадкий утёнок стал гадкой-прегадкой уткой.
Значит, сказки не будет. И бог с ней. И так хорошо.

На лазурную гладь пряный пар оседает лениво,
Солнце царским червонцем неспешно и гордо взошло.
Мальчик-с-пальчик стал юношей статным, высоким,
красивым.
Значит, сказки не будет. И бог с ней. И так хорошо.

Бабки дружно чихают, прессуя в ноздрю по шепотке
То ли местный табак, то ль заморский дурной порошок.
Но блудницу жену задушил неудачливый плотник.
Значит, бога не будет. И бог с ним. И так хорошо.

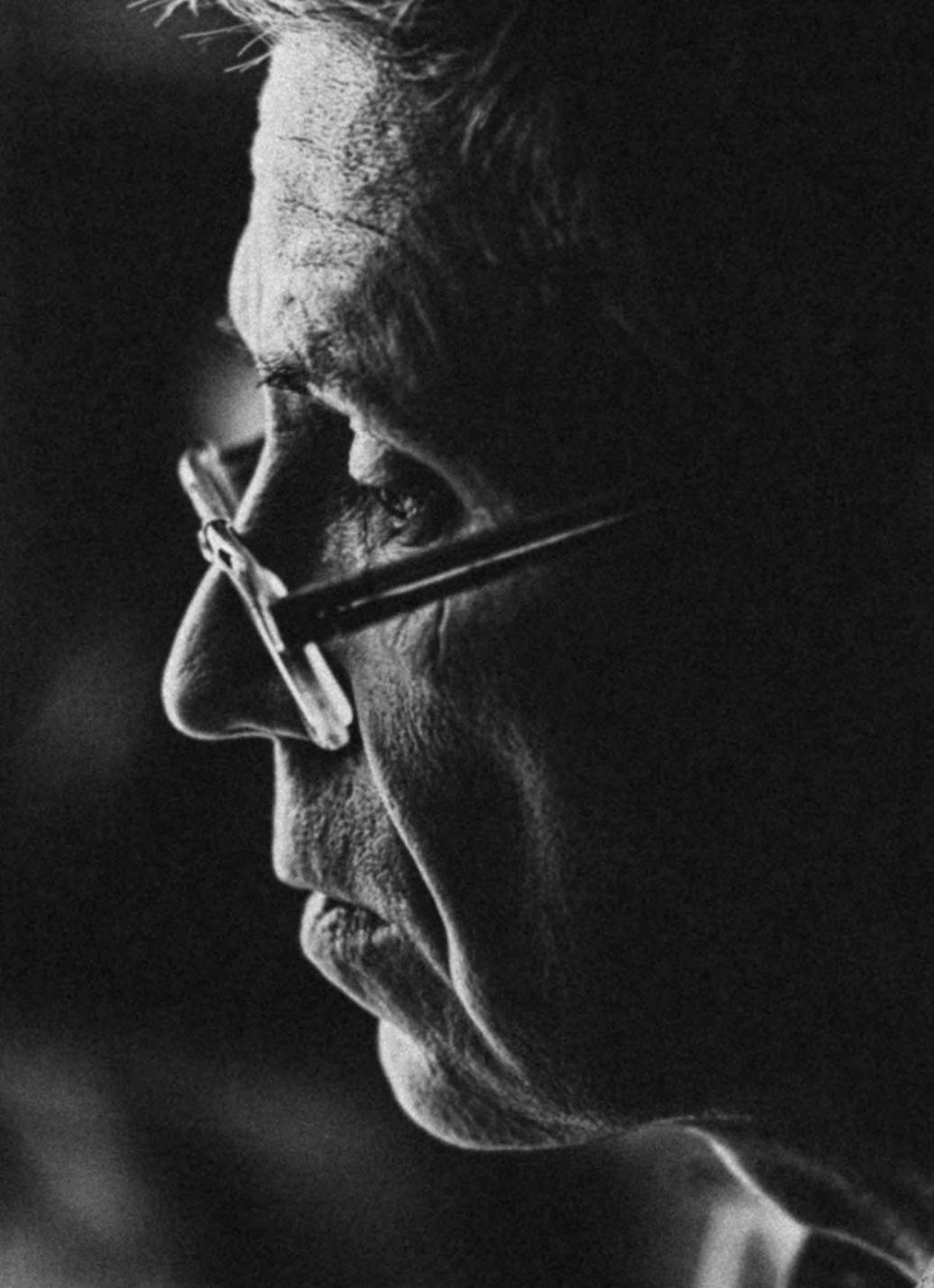
112

Тёплое утро. Весеннее, тёплое, долгое.
Странник выкопал посох и виды выдавший мешок.
Здесь ему были рады, всё было прекрасно, вот только...
— Очень хочется сказки. Спасибо вам. Всё хорошо.

Меня вы толком не запомните,
Останусь бликами да пятнами.
Конечно, мне хотелось — понятным,
Но требовалось-то — понятным.

Останусь пятнами да бликами,
И это в самом лучшем случае,
А в худшем — памятной табличкою
На сером доме скучной улочки.

время говорит «тик-так»
сердце говорит «тук-тук»
а однажды просто так
сердце скажет просто «тук-...»

Станислав Михайлов

Родился в 1962 г.

Я не знаю, что вам сказать, и не знаю, кто вы, и не *Urbi et orbi*, и не ближнему кругу говорю — говорю себе, глухому, но единственному другу и собеседнику говорю, я устал — это не жалоба, а вопль, — Мунк на мосту, едок картофеля, уставший жрать картофель. Чего я делаю здесь — русский по языку и обиходу, полуполяк, четь перс и получеть еврей, книжный итальянец, нижний ельцовец, лесоблуд из Караканского бора. Господи, отпусти меня на воздуха, на воды. Бедный Соколов, который Со́колов был на Спартаковском мосту. Толик Сокол улетел, а Владимир написал про себя и обо мне:

116

Я устал от двадцатого века,
От его окровавленных рек.
И не надо мне прав человека,
Я давно уже не человек.

Умер Степаненко Мишаня, набрал мешок подтопольников, звал-звал и умер. Умер Ярцев Володя. Любил мои три стиха, и я люблю их. Попов и Мясников курят на мосту — ну тебя, Михайлов, пайку твою выпили и заначку выпьем, чего тебе там, когда мы здесь. Не знаю, поживём-попишем — люди хорошие со мной рядом и внутри меня. Антон Павлович и Антон Сергеевич, и семейство его, крёстное на четверть сыра. Ну и другие, разве всех упомнишь. Механизм гутенберговский скрипит, скрежещет, но всё-таки ещё вертится. Выдумываю много. А врать не врал никогда за деньги. Понял, кто я есть — колобок. Кататься бы и кататься. Да лиса рядом.

Над Караканом облако восходит
Одной ему известною тропюю
И смотрит вниз на маленькую землю,
Как на ребёнка в тесноте сосновой,
На девочку, уснувшую в лесу
Высоком.

Над Караканом облако восходит,
Как нянюшка в переднике холщовом
С прижатою к груди молочной кринкой,
С лазоревой сединкой в волосах,
И сосны вековые молодеют.
Смеются.

Над Караканом облако восходит,
В соседней деревушке колокольцы
Перекликают сонные подворья,
И воздух полыхает мёдом, мятой,
И вновь грибное созревает лето
Над Караканом.

спросишь солянки, взамен отпускают борща,
горько становится, стало быть, горькую хлещешь,
друг мой охотник из коршуна суп обещал,
слушаешь байки — смеёшься, орёшь, рукоплещешь...

коршун взлетает и трепетом полнит леса,
так и возьмёшь его после трехдневной болтанки,
прикорм какой-то из пшёнки, перловки, овса,
рыбы нема, не пора ли каурую в санки

или гнедую запрячь, отлетает июнь,
пегая лошадь слоняется возле парома,
баню растопишь — в дыму дровяник и галюн,
вызвонишь Юлю и брякнешь, люблю тебя, Тома,

118

глянешь на небо, полдня голова набекрень,
плюнешь на то, как за этим народ надзирает:
вот завалился в крапиву нетрезвый плетень,
вот не дошедший до дома пастух отдыхает,

день отболели Болотное и Перемышль,
и уезжает из Убинки грамотный парень,
спишь до обеда, а ночью на воду свистишь,
утки взлетают, и вправду, Титов и Гагарин,

господи боже, рассольник на стол подают,
пялится печень на «угол медвежий» в стакане,
лает собака, так лает, что нервы сдают,
сердце болит и однажды болеть перестанет.

Хорошо в сторожке, тепло... не очень,
И придёт-то кто, и за солью, что ли? —
За персидской сиренью, что сны и ночи
Источает сладость, лишая воли.

Кто придумал пленницу в палисаде
Полуголую выставить на смотрины?
На сосновой лёжке собачьих свадеб
Розовой разломленной осетрины

И податливей тело царевны влажной.
Полдеревни в профиль стоит к сторожке.
Не своею — дремучей сосновой жаждой
Изумленья алчут промеж кормёжки.

Но любую став отощавшей вещью,
Но травой сухой на краю куртины,
Эту горечь пряжную человечью
Грибоедовской безутешной Нины —

Что самшит, что сопутствующий олеандр
Обнимать до последнего слога стану.
За сирень персидскую, Александр! —
Соловьи в сирени сокроют тайну.

Соловьи — сплошь разбойники в дикой роще,
Плоть от плоти ратники, тень от тени.
Отцветает родина, сердце ропщет —
В изумленье персов, перстах сирени.

Две посленовогодние недели
Прошли, как немцы пленные, понуры.
Зима девичьи пишет акварели,
И некому с тебя содрать три шкуры.
Мороза нет — сибирского Егора,
Хмельёвского Кузьмы с кривой берданой.
Всё не могу тишайшего укора
Переступить, улыбки покаянной,
Покорности в глазах больного брата,
Беззвучной рюмки, выпитой впервые.
Где жизнь была сосною в три объёма,
Там мёртвые лежат — вчера живые.
И женщина прозрачнее голубки
Платок целует и отводит очи.
И в бесконечно тёмном промежутке
От сказанного вслух ещё жесточе
Становится немотное зимовье,
Нетопленная печь, снега без брода...
Нахохлись, брат, прерви свое безмолвье,
И Бог нам помощь — проживём полгода.
Очнёмся от зимы да погорланним,
Поставим сеть, как подойдет сорога,
Скидаем в караганской глухомани
Поэму золотей и выше стога.
И вновь обнимем солнце над холмами,
И выпьем первача духмяный слиток,
А жизни, как легко нетрезвой даме,
Простим за так комедию ошибок.

Мёртвого на снег его положим,
неживого, с лживыми глазами.
Помолчим над глупым и пригожим...
И уйдём потёмками, низами.

Жизнь была задумана другая,
гуще тучи и весомей глыбы,
но куда там, жить не сослагая:
«нам бы — ямбы», и тогда бы мы бы...

Здесь из серых с отсветом потёмок,
из одышки с кашлем и надсада
ледяной игольчатый обломок,
обморок и морок снегопада

вынес бы покорный сей едва ли,
стал бы сниться брату и не брату.
Что ж так, засмурнели, засновали,
дайте трусам нашатырь и вату.

Локон хлипкий и орлиный клёкот —
всё смешалось у Облонских, боже!
На обложках Тютчева и Блока
даже пыль свежее и моложе.

так Сибирь оглушила зима,
что на голос уже не пробиться.
и мелькают в немой синема
люди — люди ли? — чужие лица.
глухоты вездесущая тварь
так накрыла сибирских полсвета,
что заученный в детстве букварь
без примера живёт и предмета.
так, наверное, ищет слепой
равновесья на пляшущем трапе,
так любви бескорыстной тропой
от утраты влачится к утрате.
так в часах истекает песок,
отверзая могильные глины,
так сиротский дрожит голосок.
снег да снег. снегири и рябины.
так отъезжих осин и берёз
меркнет отсвет тревожный и жалкий,
так к окну слюдяному примёрз
полустанок в степном полушалке.

Сокур. мокрая трава. добрёл до подстанции
лопухи — уши Пантагрюэля. тополя пушат
бабочки-капустницы затевают танцы
бабушки-рассольницы спят
тополя стоят как полные фляги
таланты таланты и таланты переливчатого серебра
пей, Гаргантюа, молодые маки
пей, прокормим, не стесняйся, брат
голубем взлетает одинокая фортка
а на оборотной стороне офорта
невидимый Дюрер отбивается от мошки
вышли из тумана и ушли в туман две кошки
рыбу у кого-нибудь стибрят
вертится шарманка собачьего вальса
а крестьянка кормит щенка как Франса Хальса
роса холодна так, что напоминает иней
небо — василёк маленький в футболке синей
смотрит небо на детей из Смоленки
и зелёнкую осота смазывает им коленки

Забытый велосипед

Даниле Меньшикову

в Париже осень сентябрь тепло
Sacré-Cœur на холме белый тёплый
бродит по Монмартру Морис Утрилло
пьёт абсент
бьёт отчаянный глаза и стекла
и отвечает ему предвечерний свет
ложится тихо на картон шершавый
а где-то в Серпухове забытый велосипед
шаёт в сумерках и в тишине ветшает
белая ночь молчит, час остался до темноты
до умопомрачения без ключа, домкрата...
двухколёсный оборотень, а велосипед ли ты?
был брат, жил, и не стало брата
бедный Коля Мясников стоит у ворот
краски и холсты у него украли
мы пришли к свободе и отошли от
буквы изукрашенной и прописной морали
восьмёрку поставил полубухой сосед
на колесо, вращающее все буквы мира
забытый и полузабытый велосипед
опечатанная квартира...
крест на жизни и на небе крест
скошенные горькие вянут травы
мама прошептала моя: арест...
белая седая голова Варшавы

Марек Ополинский
твой велик, твой
немцы топают, сволоча, по Парижу
пей не пей или вой не вой
не услышу их никогда, не увижу
Марека, Колю моего, Утрилло
бедных молодых двоих Амедео
осень Sacré-Cœur — на холме светло
выпьем за помин, раз такое дело

Питер с высоты птичьего полёта

альбом про Питер, неба верхотура
подсвечивает Лиговку и Невский
Новосибирск — на СПб карикатура
Григорьев умер, вот и выпить не с кем
пиит без ног в ручищах фарингита
в мозолистом крестьянском безгололье
коктейльная принцесса Маргарита
не пьёт с утра, в затон кидает кости
речпорт обской — чем не адмиралтейство
вода в ушах и каждой носопырке
на небе облаков сырое тесто
в компьютер лезут дети из пробирки
харибда, сцилла и меж них химера
влачит борта рассудочно и вяло
сгорая, спирт похож на пионера...
и пионерка хорошо сгорала
купил «Охоту» в сетевой дешёвке
пишу стихи, да что там врать, рифмую
Санкт-Петербург сибирской полукровке
портреты шлёт на Зею и на Мую
обской пиит, звезда левобережья
на зыбком «ша», «ча», «ща» лицом испитым
хлопочет, бродит грузно кровь медвежья
сгущается, летит метеоритом
на Питер
Воронихин и Кваренги
вареники едят, нет, это Гоголь
стоит в исподнем у холодной стенки
и смотрит на меня в пустой бинокль

дерутся дети в новоримском цирке
слона проходят дети в зоопарке
нет контрамарки, инвентарной бирки
монеты с профилем Буонапарте
копите, дети, на билет, копите
и уезжайте насовсем из Неска
сирот не любит королевский Питер
Григорьев спит, последний царь гротеска
а я верчу в гроссбухе бирюзовом
стихи, ну, ни о чём, на старой лавке
Новосибирск на тряпочки разорван
копите бирки. подымайте ставки

Седьмой

Антону и Татьяне Метельковым

в троллейбусе едешь, казалось бы, едешь и всё...
в кармане ключи, а на дне — шоколадные крошки
я лошадь седая, я ем шоколадный овёс
на старую Горскую еду с блатной Молодёжки
в моём рюкзаке кроме книжек и свитера — лук ле порей
в моей голове кроме мусора — блики и блёстки
семь самых прекрасных, семь самых свирепых зверей
рвут тучное стадо стихов на клочки и полоски
кондуктор, Фирдоуси вылитый, слушает мат
с таким нерушимым терпеньем, что хочется плакать
небесные арфы, да кто вам намерен внимать
когда застревает в ушах постсловарная слякоть
куда бы поехать, в какой мировой огород
где трудятся денно и ночью Титов и Гагарин
где, павшие, вновь поднимаются семь сефирот
где каждому слову наивному мир благодарен
на Горской разлитые лужи как море стыда
троллейбус уходит, гремит как большая телега
душа, отдохни, не боли, не ходи в невода
хотя бы до первого снега

День синиц — все динь-динь да день-день,
На снежок апельсиново-алый
Лёг щекой щеголёнок Монтень
Нечестивый, счастливый, усталый...

Как всё просто — живи не во лжи,
Суверенно храни на ладони
Нежно-синюю письменность жил
И гортанную жажду Дордони.

Что тому, кто бумагу марал,
Первым быть побиенным, не первым...
Нам уже не читают мораль,
Но поют её голосом скверным.

Пусть однажды не станет имён
В безымянной стране поговорок,
Переждём помраченье времён
На горсти апельсиновых корок.

Пусть морщина прорежет и тень
Беспечальную сень небосвода.
День синиц — все динь-динь да день-день,
Без транскрипции, без перевода.

Харькив

Тоненько-тоненько ноет комарик,
Мушка-златенька зудит.
Ходит по Харькиву маленький Славик,
Ходит, а может, ходит?

В Харькове хлебом торгуют еврейки.
Сдоба в горячих грудях.
Славику тощему, тоньше жалейки,
Сладко на женских хлебах.

Милица, Сара, Дороха и Ханна,
Ах, до чего хороши.
Трётся мучительно детская тайна,
Ниже стыда и души.

130

Примет ли партия юного вора?
Вряд ли, но может... в ряды?
Даст ли пацанчику хворая Двойра,
Даст ли туды и сюды?

Харькив красивый и дюже богатый
Треплет за чуб пацана.
Плачет счастливый он и виноватый.
Кровь солона-солона.

Дома с прикушенной нижней губою
Славик болеет, не спит.
Он бы ушёл с харьковчанкой любою
В коклюш и камфорный спирт.

В эти затоны и дикие плавни.
Славик, родимый, проснись.
Плотно захлопнулись синие ставни.
Сдобные женщины умерли, Славик.
В Харькове чёрствая жизнь.

Фотография

нету у меня альбома
ну нету альбома
фотографии валяются дома
где попало
чёрная фотографирует пиковая дама
я под одеяло стриженный затылок прячу
в темноту лечу
бабушка с оладушками
на работе мама
а вот я в зоопарке
с двумя моими бабушками
дразню медведя белого
по кличке Аристарх
а вот отец-поляк
но он в энциклопедии
маленькое личико
засунуто в статью
вот в товарищеском суде
соседи судят маму
провинившуюся
мамочку мою
отчим пьёт на кухне
кто его сфотографировал
чёрного, красивого
лётчика люфтваффе
вот на пианино полонез играет Ира
умерла
но живет красавица на фотографии

нету фотографии сына
нету Гуляева молодого лопухого
вот какой-то собутыльник
Станиславу от Касимова
паспортную фотку подарил
и в бездну ухнул...
помню, в Барнауле был простенок бел
а налево грамоты почётные засушены
местный фотограф на нём меня запечатлел
Мишу и Наташу
там мы пьяны и простужены
всё черным-черно
и всё белым-бело
молодость на этих
на бумажных
на квадратиках
утираю лоб
на пальцах серебро
иней и туман
на чёрно-белых фотографиях

Бунин

осенью к последней электричке
сосны зашумели-подошли
и придурки в некотором количестве
выпили, на лавки прилегли
три товарных про-гро-хохотали...
унесли последнее тепло
садоводы астры прижимали
а потом дышали на стекло
а когда ушла электросила
три придурка к морю поплелись
сосны, приобняв пьяного сына
развернули облака плейлист
в призрачном небесном алкоголе
академик бунин придремал
никого ни в радости, ни в горе
только солнца в море драгметалл

Он

когда он огонь из пальцев извлёк
в ночном волдыре Оби
в одну затяжку воронка щёк
от глаз отвела круги
и не было в нём ничего кроме скул
ломких на взмах крыла
ветер в открытую фортку дул
штора, шатаясь, шла
после брезгливо примял бычок
вновь так себя спросил
какой в человеке толк
был
жил
воду толок...
скучал и небо коптил
в ломбард заложил золотой кастет
а после шуруповёрт
за облаком тихим встал свет
хитрый дед-старовер
пивную жестянку он
пнул ногой
выдохнул дым
адам
человек
один
нагой
иду сто лет
по его следам
гнётся доска под ним

как-то мы загостились здесь
в этих чёрно-зелёных лесах
и душа, ничего-то не вся
утонула в чужих голосах

раньше кланялись в пояс крестьяне
проще были и как-то родней
а теперь никого в Каракане
нет людей — вурдалаки одни

одинок броджу по крапиве
пополам с коноплей и репьем
завтра придёт сияющий ливень
словно витязь с алмазным копьем

136

а пока облака кучевые
неподвижные, как острова
чуть живые слова, чуть живые...
бесконечно чужие слова

Андрей Щетников

Родился в 1963 г.

Кем ты хотел бы быть

Одна моя знакомая, та, что приснилась мне несколько лет назад в красном платье, сказала как-то вскользь, лет двадцать прошло с той поры, а я запомнил, что тело обременяет человека, не даёт ему быть самим собой — неужели я ещё тогда сравнивал её с Плотиним? Тогда я её не понимал, но нынче летом что-то произошло: на улице то жара стоит, то грозы, а я уже две недели безвылазно сижу дома, пишу трактат об Анаксагоре и Демокрите. Раньше я рвался в лес, на море, в горы, а теперь не то чтобы не хочу, но — не время. Академик с каждой встречей становится всё больше похож на грека; а о себе я думаю, напевая: «Ты до сих пор ещё не тот, кем ты хотел бы быть».

Сиянье глубин

В этот колодец
я прыгнул
с единственной целью —
стать ближе к тебе.

Не знаю,
к счастью ли, нет, —
но зеркало ржавой воды спасло мою жизнь.

Сиянье глубин
оказалось всего лишь одним из твоих отражений, —
не большим, чем этот квадрат
над моей головой. Небес синева
не ослепляет меня, и звёзды
даже днём видны из моей
темницы.

Но мне её никогда не покинуть.

Илья Муромец

Расступись, народ добропорядочный,
Разойдись на все четыре стороны!
Вот шагаю я, бессмысленно-загадочный,
И летят над головой моею вороны.

Было время — я не знал, какого лешего
На луну мне серым волком выть приходится.
Сиднем я сидел, чесал проплешину
И гадал, где смерть моя находится.

Тридцать три зимы стальными иглами
Сердце мне пронзили до отчаянья.
Тридцать три весны мне душу выбрили
Горьким ветром над обрывами песчаными.

140

Нынче ж мимо шли калики перехожие,
А куда, зачем? — никто не ведает.
И сказали мне: «Вставай, и к невозможному
Устремись, и боль свою исследуй небылью!»

И теперь моя душа поёт и сетует
На того, кто мне дорогу высит радугой.
Я иду пустыней злого милосердия,
И ничто на всей земле меня не радует.

Я забыл свои недуги прежние
И назвал печаль свою по имени.
И ищу я тех, кто в даль ушёл безбрежную,
Кто глядит из-под небес очами синими.

ОДИНОКИЙ АТОМ

Слишком много думаю
О белой обезьяне.
Набираю номер,
А он всё время занят.

К облакам взлетел бы,
Да все они из ваты.
И блестит на небе
Одинокий атом.

Утрата тепла

они гуляли по безлюдному парку
срывали листья с деревьев
сопоставляли их между собой
чтобы знать —
ни один не похож на другой
они говорили стихами
не понимая друг друга

рыба в пруду ходила кругами
над головой
первые звёзды зажглись
летучая мышь
промелькнула беззвучно
в фиолетовом небе

142

их разговор принимал
математически точные формы

две величины
разность между которыми
пусть даже и
бесконечно мала
всё равно абсолютно различны

жизнь — система комнат пустых
в каждой комнате кто-то сидит
кто-то смотрит в окно
кто-то в антиподов не верит

вот они и расстались
накануне зимы
увозя в своих саквояжах проекты
тридцатилетней войны
доказательства доказательств

по безлюдному парку
гуляет метель
а солдаты его величества
отдыхают на зимних квартирах

Сумерки накануне зимы

памяти М. Е. Паева

я выпадаю из людей
в прозрачность воздуха и смысла
в премудрость допотопных чисел
и безымянных площадей

быть может время это дом
для тех кому темно с другими
но снег кружится за окном
и мы увидимся живыми

Корни бытия

корни бытия
надёжно спрятаны
(и ни ключа
ни скважины замочной)
на самом видном месте

Новый сад

Гале Савинцевой

Я отрицаю фокусы поэзии.

Я с интересом рассматриваю одинокую лампочку
без абажура:
можно подумать, что в ней есть что-то женское,
ибо она знает, что такое полный телесный угол
и ожидание вечера.

Я — этот мальчик с птичьим пером на старой фотографии;
моим родителям здесь столько же лет, сколько мне сегодня.

146

Я старательно вывожу эту строку зелёными чернилами:
пусть она станет контуром книжки-раскраски
для самых маленьких,
для тех, кто спит, улыбаясь, и сосёт во сне
указательный палец;
для тех, кто наблюдает в окно вагона
Альдебаран и Кассиопею.

Три встречи

Вот бы я шёл по улице
и встретил Женю Миниярова

или

Вот бы я шёл по узкой тропинке
а навстречу мне 68 автобус
а справа снег и слева снег
а тропинка такая узкая

или

Вот бы я стоял по улице
а звезда бежит над деревьями

Птичка

Я стал доступен утешенью...

Александр Пушкин

другая пташка нелюдима
а ты последняя лети
пусть выйдет всё как надо мимо
раз нам с тобой не по пути

вот оправдание природы
в семи частях good bye adiós
но мы конечно царь природы
что прояснилось пронеслось

приснилось как это ты дышишь
и лёгким крылышком махнёшь
деревьев выше ветра выше
и дальше выше: не вернёшь

Марсианин

время начинает разворачиваться рапидом
двадцать пятый кадр отчётливо виден

я смотрю на него почти не моргая
подожди меня здесь моя дорогая

перехожу через улицу в потоке авто
похоже что меня не замечает никто

играют на арфах живые покойники
исполняют марсианские хроники

СПб эскизы

Борису Шифрину

1.

заняться чем не быть
более бесполезным

2.

глотар сюжет
мерцал мерцал наклад
моим союз
а я не вовсе рад

3.

за окном телёнок
но это собака

Находки

Однажды я нашёл на пляже
золотое кольцо:
была весна, таял лёд,
оно лежало среди мелких речных камней
в той полосе, которую летом
затопит вода.

А ещё я нашёл
на грязной осенней дороге
за военным училищем
странную книгу
без передних и задних страниц,
припорошённую первым снегом,
и долго стоял и думал,
на каком она языке,
пока не понял —
на молдавском или румынском.

Кольцо до сих пор
лежит у меня в столе,
а книга так и осталась
лежать на обочине —
зачем мне странный армейский справочник,
но если подумать,
кольцо мне тоже без надобности,
вот придёт весна, растает лёд,
я пойду и отнесу его
туда, где взял.

Поэзия битников

Марихуану в стихах
увидеть легче,
чем поэзию, Джек,
пусть редакторы редактируют,
комментаторы комментируют.
А поэзия к нам ближе всего,
вот они её и не замечают.

Длинное высказывание
мне не по зубам, Аллен,
Я предпочитаю десять коротких.
Ты ведь тоже пробовал хайку?
У твоих друзей это получалось неплохо.
Дело не в числе слогов,
а в том, чтобы просто быть —
это так просто
это так сложно.

153

Под платаном, Гэри,
я сижу под платаном.
Смотрю на эти древние камни,
слушаю воду в ручье.
Нам ничего не надо делать,
нам надо сделать так много —
это одно и то же.

1933

Вернер Гейзенберг разговаривает с Максом Планком.

Планку уже 75, Гейзенбергу 32.

По нашим понятиям, он — «молодой человек»;

Планк его именно так и называет.

(Два нобелевских лауреата беседуют друг с другом,
и совсем не о физике.)

Планк никогда не был революционером,

но он был честным, и это главное;

Гейзенберг пришёл к нему за советом.

Можно ли что-то сделать? И самое главное:

следует уезжать или надо остаться?

Планк отвечает: когда лавина пришла в движение,
ничто её не остановит.

А что касается одного человека —

у него нет выбора в том смысле,

что всякий выбор ведёт нас сегодня к поражению.

Оставаясь, ты идёшь на компромиссы, а попросту —
влезашь по уши в дерьмо

(Планк так конечно не скажет).

И это когда-нибудь станет твоей виной.

Уезжаешь — и так и будешь бегать по миру
от социальных катаклизмов? —

а они продолжают дышать тебе в спину.

Германия в руках безумцев, катастрофа неизбежна,
но когда она произойдёт, никто не знает.

Главное — помнить о том, что будет, когда всё рухнет.

Потому что, если об этом не помнить,

останутся только руины.

Виченца

Шульженко и Палладио на пару
поют под этим странным бельведером,
а мы лежим с тобой в зелёном парке
и заняты таким пустяшным делом.

Жолтовский строит ипподром московский,
похожий на нездешнее палаццо,
квадрига встала на дыбы на кровле,
и маршируют петухи на плаце.

Мне подманить бы их, но нету хлеба,
и я рисую чёртиков в тетради;
в театре на плафоне много неба
и голые мужчины на фасаде.

Всё это нас безмерно впечатляет,
стоит в плаще зелёном Гарибальди,
и голуби летят не славы ради,
а просто чтобы сесть на шляпу дяде.

Дом грузчика

У меня есть свой Дом грузчика
весь такой белый и предвоенный
как его видно со двора
или с платформы станции «Центр»

По Фабричной я не хожу
а напротив флорентийская башенка
в ней матрос сидит улыбается
и какие-то окна внизу

Где-то дальше когда-то был сад
в книжке читал что я знаю об этом
карусель и мороженое флажки
белый корабль с белым билетом

156

Объ за мостом туда не пройдёшь
проплывая издали смотрим
а на башенке матрос
колет орехи чёрным биноклем

Катастрофическое

Андрею Жданову

Человечеству нужны большие бедствия,
Чтобы жизнь прекрасную начать.
Чтобы отлежаться, оглядеться,
Сбросить с плеч замшелую печать.

Прилетит метеорит из космоса,
Полыхнёт пожаром на заре.
Динозаврам умирать не хочется,
Собрались они толпою во дворе.

Чтобы мусор выбросить из комнаты,
Нужен итальянский новый год.
Всё забудется и всё запомнится,
Будет новых дел неуворот.

157

Притаились в трубах нанороботы,
Ждут, когда настанет их черёд.
Шлют они послания утробные,
Никакая их холера не берёт.

На берегу

Погода меняется. Коршун кружит.
Моторная лодка чуть слышно жужжит.

Весь мир обезлюдел. В нём нет ни души.
О чём-то негромко поют камыши.

Плывут облака из далёкой страны.
Их тени скользят над гребнями волны.

И сосны — высокие, как корабли —
Врастают корнями в пучину земли.

Юлия Пивоварова

Родилась в 1966 г.

Вопрос:

— Толя, зачем ты ходишь в это идиотское ЛИТО?

Ответ:

— Жёлтый свет, мягкие стулья, можно попить воды...

Есть люди, которые старательно делают стихи. Долго работают. Стихи получаются ровные, правильные, иногда идеальные. Но от них пахнет потом. Нет лёгкой свободы. Ещё должна быть прелесть смысла и бесконечная живопись, характер автора, его судьба...

А вот для меня ещё — невозможность идти за официозом, который всегда пресмыкается и потихоньку убивает любую одарённость. Всё!

Вброд переходим мы хладную воду.
Впрок закупаем еду.
— Ярмарка, Вася, идём к народу!
Он отвечает: — Иду...

Вот мы подходим, золотом платим...
Вася купил карабин.
— Вася! Купи мне платье.
Красное, словно рубин!

Это я пользуюсь женскою властью.
Месяц завёрнут в фольгу.
Месяц слоняется по небу...
— Вася!
Вася, купи коньяку!

Холодно ночью мулатке в палатке,
Ветер играет в песках...
— Васька! Купи мне платье
Красное, как Москва.

АВТООТВЕТЧИК

- Так-так, — заметил циферблат.
- Ту-ту! — пропела электричка.
- Пойду! — вскричал дегенерат.
- Бардак, — шепнула истеричка.
- Сентябрь... — задумался разведчик.
- Обед! — опомнились бичи.
- Война, — сказал автоответчик.
- Ему сказали: «По-мол-чи».
- Война, — сказал автоответчик.
- Ему ответили: «Заткнись!»
- Война, — сказал автоответчик.
- Любовь! — воскликнул онанист.
- Весна... — откликнулась Татьяна.
- Сентябрь, — напомнил ей разведчик.
- Война, — сказал автоответчик.
- Свободу слову! — крикнул пьяный.
- Алкаш... — нацелился дружинник.
- Дружинник... — сплюнули подростки.
- Я ваш, — признался дачник жирный
Своей знакомой в крепдешине,
- Она ответила: «Как просто!»
- И, помолчав: «Ещё не вечер...»
- Пять двадцать, — уточнил разведчик.
- Война, — сказал автоответчик.
- Война, — сказал автоответчик.

Зал ожиданий тонет в болтовне:
То смех, то стих, то песня, то икота,
Вот подошли поговорить ко мне
Два дружелюбных пожилых якута,

Один из них мне свой секрет доверил...
Вокзал впитал в себя сырую мглу...
И автомат Калашникова древний
Автоответчик разбирает в углу.
Одно и то же он твердил устало,
И не был он ни вещим, ни зловещим,
Но тут пришли два тёмных санитаров
И говорят: «Пойдём, автоответчик,
Ты нам ответишь, ты за всё ответишь...»
И он в ответ: «Конечно, я отвечу...»
Слова смолкают, превращаясь в ветошь,
Теряют суть понятия и вещи.
Мы слышим, как скрипят его пружины.
Мы мучаемся чем-то вроде жажды.
Любой из нас готов отдать полжизни,
Чтоб этот вечер повторился дважды.

Фонарики

Проплывёт элеватор готический
За окном электрички ночной.
Алкоголика голос отеческий
Про фонарики песню начнёт.

Электричка моя, поворачивай!
Мы с тобою под воду нырнём.
Видишь фею в жилетке оранжевой,
Что обходит пути с фонарём?

Все другие фонарики умерли,
Люди все посходили с ума,
И обходчица с профилем мумии
Освещает что хочет сама.

164

Нету пуговиц на небе джинсовом.
Не начищена пряжка ремня.
Я мечтаю о мире безжизненном,
О придуманном не для меня.

Кругом всё рамочки да рамочки,
Всё паспарту да паспарту.
Я упаду сейчас, ой, мамочки!
Исчезну, сгину, пропаду...

Безумноватая, холодная
Зима по улице идёт,
Как будто дама старомодная
Подолом улицу метёт.

Где я стою, там ты встречаешься,
Но не заметишь никогда.
И всё равно со мной венчаешься
Живыми кольцами из льда.

Прощай, прощай, прощай, неласковый,
Не нежный, не хороший зверь,
Из бороды давай вытаскивай
Снежинок белую сирень.

Беги, беги, беги по улице,
Беги скорей от гончих псов.
Неси своей хозяйке умнице
Привет от ланей и козлов.

Остынь у печки догорающей.
Усни под музыку побед.
И пусть слова твоих товарищей
Оборонят тебя от бед.

Хуже ты Содома и Гоморры,
Хуже даже огненной геенны.
Что ты собираешь мухоморы?
Ищешь, сволочь, галлюциногены?

В женщину бутылками кидаться
Могут только звери, только звери,
Или дети, те, что из детсада,
Но не ты, не ты по крайней мере.

Вон сидит на мёртвом гладиолусе,
Лета кислогубая любовница,
И молчит, как будто и не в голосе,
Золотая бабочка-лимонница.

166

Интересно, чем она питается?
У неё на крыльях пыль китайская...
— Не кидайся! — (всё равно кидается).
— Не кидайся! — (больше не кидается).

Сладкий запах ремонта.
Под ногами кирпич.
Не осталось «бомонда»,
Только собственный кич.
Только чьи-то куплеты
Из соседнего сна
Да вечерней газеты
Желтизна.
А звонок будет третий
И шестой. Ну и что?
Но не будет трагедий
Оттого, что смешно.
Пусть хихикнет кондуктор,
Забывая маршрут.
Пусть заржёт репродуктор,
Точно бешеный шут.
Смех, который так дорог,
Пусть подарит мне друг.
Гомерически город
Пусть хохочет вокруг.
Улыбаться так лень мне
Под навесом небес,
Где, как маленький Ленин,
Закудрявился лес.
Никакой нет причины
Для пустого «хи-хи».
Только нож перочинный,
Что в стволе у ольхи.

А ну давай, читай письмо пустое,
Возьми своё от белой пустоты.
А мы цветы, мы умираем стоя.
Красивые весёлые цветы.

Мы окружаем сталинские клубы,
Мы убегаем за пределы клумб,
А наши нежно-розовые губы
Нежней и розовее прочих губ.

А ну давай, дождись воды отстоя,
Возьми своё от влажной темноты.
А мы пришлём тебе письмо пустое.
А ты нам не ответишь.
Мы цветы.

Меняет бабка шляпки,
Зовёт жильца Володенькой.
Любила бабка тряпки
Тогда ещё, молоденькой.

И плечи в чернобурке,
И вся она хитрющая.
Лежит у ней в шкатулке
Горячее оружие.

Капризней, чем царевна,
Кривясь, читает Битова.
Амалия Сергевна,
Вы контра недобитая.

Тишина в вечерней школе,
Парты в крошках, в пепси-коле,
На кушеточке пурпурной
Там тепло ночной дежурной.
Голос в радио кого-то,
Кто читает «Идиота».
Попивая свой кисель,
Сторожит мадемуазель...

За горами, за домами
Старый гриб скрипит пимами.
Это дедушка — скрипач.
Вот что, девушка, не плачь.
Ты б ему открыла, что ли?
Пусть войдёт, отгадывает в школе.

170

Говорит вахтёрша дерзко:
— Хочешь, дедушка, погреться?
И ответив: — Вовсе нет, —
В помещенье входит дед.
Кожа — грубая кора,
Седина белей, чем вата.
За спиной его игра.
В этом госте всё неправда.
В этом госте всё иначе,
В этом классе с ним темно.
Бровь одна другой космаче,
Зубы — золото одно...

— Ох, зачем на тихий пост
Я впустила эти зубья?!
Вдруг за ним преступный хвост
Или грязное безумье?!
Голос волка, взгляд совы...
— Не хотите чаю вы?
— Неохота чаю, дочка.
Может, можно кипяточка
Два прозрачные глоточка,
Дочка?
Он не выпил кипяток,
Вылил в комнатный цветок...
И откашлялся в кулак,
И сказал визгливо так:
— Нет, не стану больше делать
Я вечерних этих школ!
Пусть следит за ними демон.
Я не стану, я пошёл...
Полночь в городе настала.
Села девушка устало.
Смотрит месяц по-ненецки.
Головой качают нецке.
Раздаются смеха всплески.
Нету больше Чаушески.
Звёзды вздёрнуты на рее.
Хитрый дед у батарее,
Не прощая ни аза,
Греет крупные глаза.

Облака преследуют друг друга
В Западно-Сибирском поднебесье.
Осенью пропитана округа.
Все стремятся выпить грамм по двести.

Девушки в рекламной униформе
Всем «Парламент» дарят на халяву.
Дуры рассуждают о реформе
И упорно курят только «Яву».

Самолёта бронзовая птица
Возле солнца тусклого кружится.
Господин, похожий на бразильца,
Отдохнуть на лавочку ложится.

172

Длится день, раскручивая вечность,
Ускоряя всяческую участь,
Укрощая гордость и беспечность,
Наглость и надежду на везучесть.

Длится день — струится киноплёнка
И среди пиров и чаепитий
Каждого вчерашнего ребёнка
Превращает в хронику событий.

Стоит отличная погода,
Стаканы радостно звенят.
Твой шурин вшился на полгода,
А лучший друг — вообще, на пять.

Они купили иномарки
И разъезжают по жаре.
Что делать вместе с ними в парке?
В кафе? В подъезде? Во дворе?

А лето в самом абсолюте.
И остаётся вспоминать:
Какие это были люди!
Как их приятно было знать!

Но час настанет, пусть не скоро,
И выпьем больше, чем за год.
Вот только бы дожить до срока,
Когда окончится их код.

На площади трёх помоек
Качаются люстры звёзд,
И эхом крутых попок
Открытый зовёт подъезд.

Промокший прохожий поздний,
Озябший и жалкий тип,
Нырять в подъезд, как в поезд,
Который готов уйти.

Вбегает в подъезд спонтанно,
Туда, где тепло и свет,
Где голосом Левитана
Сосед объявляет: «Снег».

174

Туда, где у батареи,
Наверно уже с часок,
Мы руки с тобою греем
И медленно пьём четок.

Попутчик дрожит, как кролик,
Какой-то нездешний он.
Но с площади трёх помоек
Не сдвинется наш вагон.

Весна

Уже пошли подснежники в лесах,
Пушистые, полезли из проталин,
Растаяли снежинки в волосах
И Первомай отметил пролетарий.

Уже сложили мусор во дворах
В специально отведённые пакеты.
Уже сгорели шапки на ворах
И разорались пьяные поэты.

Уже разделись девочки почти
До самых откровеннейших конструкций.
И чурка без особенных причин
Нажрался и валяется, как русский.

И сквозь газон пробился малахит
От лёгких рук сотрудниц зелентреста,
Но вся зима внутри меня сидит,
Как будто в мире нету лучше места.

Не много правды в книжках разных
И в музыкальных выражах,
Когда заходит ум за разум,
И пальцы медленно дрожат,

И люди кажутся всё мельче,
До одноклеточности вплоть,
А самый мелкий человечек
Тебя грозитя уколоть.

Линяют шторы старой школы,
И дворник шебуршит метлой.
Он непонятный — пьяный, что ли?
И неприлично удалой.

176

Он танцевальной походкой
Обходит весь участок тот,
Где каждый встречный пахнет водкой,
И каждый возглас — анекдот.

Человека очень укачало.
Он идёт и чувствует — штормит.
А вокруг торжественно-печально,
Расплываясь, угасает мир.

Человеку состоянье это
Нравится, по-честному сказать.
Между пальцев тлеет сигарета
Медленно, как солнечный закат.

Человек, лениво улыбаясь,
Как жених в присутствии невесты,
Чувствует приятную усталость
И бредёт, бредёт куда невесть.

Хорошо до лёгкого озноба.
Мысли и печали нет следа.
Человек качается и снова
Думает: «Ну вот бы так всегда».

Этот портвейн непременно отравлен,
Этот портфель из кожзама пустой.
И в унисон говорят тебе: «Стой!» —
Трудные, пьяные дети окраин.

Праздничный день,
День рыболова,
Удочек нет,
Нет и любви.

Только тревоги сплошной безлимит
И сумасшествие драк у столовой.

178

Это — родной уголок отморозка,
Мрачный, изысканный сон.
Каждую ночь повторяется он,
Как на тельняшке полоска, полоска...

Спросят тебя: «Как прошла твоя юность?»
Скажешь: «Никак», — отвернуться стараясь.
Сразу окажется — юность вернулась,
Но притворилась, что старость.

Напрасно убегая со двора
В соседний двор к совсем другим ребятам,
Смеялась золотая детвора,
Крапива больно щёлкала по пяткам.

Печальная бесцветная среда
Соседей и прохожих пробежала,
Сегодня или, может, навсегда
Нас оказалось невозможно мало.

Ничтожное количество людей,
Нелепых, но естественных и честных.
Над нами посмеялся лицедей
И несколько товарищей известных.

И радуясь последнему теплу,
Мы знали то, что ничего не значит.
А солнце, пробегая по стеклу,
Для каждого оставило свой зайчик.

Как тяжело поставить точку,
А запятую — тяжелей.
Желтеет осени жилет,
И через речку путь короче.

А ты не бойся, не жалий
И не проси кого попало
Дать докурить бычок «Опала» —
Ведь он из юности твоей.

Андрей Жданов

Родился в 1967 г.

1. Начальнику хора. *Молчание* о том, что:
2. ...и был он однажды создан, но для чего — неизвестно;
3. стал видеть мир и понял, что есть искусство и есть что-то другое,
4. и оно тоже есть, и *быть* хочет — смерти не желает, хотя иногда и мусор совсем.
5. И подумал он, что и мусор, и грязь, и шебуршание всякое имеют смысл. Что не только Великое Что-то *слова* достойно, но и пыль под ногами.
6. А тогда его спросили: «Что ты о себе скажешь для Вечного (ибо ты похож на того, кто должен сказать)?» Он ответил — *не знаю*.
7. И ответ этот был самым честным ответом, который когда-либо был дан кем-то, кто копошится под облаками.
8. Ответил, посмотрел на всех как бы нехотя и ушёл восвояси.

Бессонница. Айфон. Комками простыня.
Я забываю, кто из предыдущих серий
был так похожим чем-то на меня.
Уже не помню чем, ведь интерес потерян.

Огни троллейбуса по потолку скользят.
Ковёр судьбы рисуется из трещин.
Порядок слов предотвратить нельзя.
Я так устал от этих умных женщин.

Исперчен инцидент, так говорится.
Кого же слушать мне? Будь проклят оптимизм.
Наверное, пришлось бы застрелиться,
когда бы не спасал постмодернизм.

Баллада потаённой любви

Я вытирал твои следы
Смотрел тебе в глаза
Не приходи ко мне сюды
Разрушился вокзал

И в небе плавает дельфин
Махает плавником
Не выделяя эндорфин
Останься мужиком

Вот так стоять и помирать
Сады вокруг сады
Опять сады сады опять
В степях Караганды

184

Там девушка одна жила
Теперь она мертва
Не прикусила удила
Сомкнулась мурава

Безбрачие теперь удел
Его нести дотла
Пусть перманентный бракодел
Достигнет дна котла

И там погибнется вполне
Пускай такое пусть
Останутся наедине
Сегодня ты и грусть

И плакать хочется уже
И плачется, ага
Всё потому что в неглиже
Растёт твоя нога

Напропалую сквозь чулок
Спаси меня Христос!
Пока сюда ты приволок
Всего один вопрос

Про то как мир идёт к концу
Про то как хорошо
Отец отца отцом отцу
А дальше порошок

И вот закончился нигде
Не пройденный маршрут
В твоей несложной бороде
Грибы уже растут

Закрой глаза и уходи
Не надо быть вот тут
И не вернись совсем сюды
Останься на распут...

Ивану Полторацкому

с неба падал
падал падал
белый белый
белый грех

а внизу
стоял и плакал
плакал плакал
человек

грех кружился и носился
белой простынью ложился

186

человек вставал на простынь
словно это была пристань
в даль смотрел как будто пристав
ловко оголяя проседь

а вокруг кружился тая
грех
и не было в нём края
эх
и не было конца

отворились двери рая

человек сошёл с крыльца

Мне снилась папиросная бумага
и хрупкий одноразовый стакан.

Если посмотреть на нас из космоса —
мы сидим у костра
нас семь или восемь
мы сидим посреди двора
деревенской усадьбы
весенней и неубранной

Мы говорим о разном
потому что не все из нас пьют вино
кто-то обсуждает
недавно просмотренное кино
кто-то просто молчит
и следит за огнём

188

У нас накрыт стол
но из космоса не видно
что лежит и стоит на столе
играет музыка, но очевидно
наступил вечер
и музыка скоро смолкнет

Из космоса мы наверное
выглядим добрыми
маленькими существами —
людьми пришедшими издалека
на огонёк
лесного волшебника

Из космоса нас неслышно
и непонятно
тёплые мы или
дрожим от холода
или постепенно остываем
а костёр потухает

Из космоса
видны только наши имена:
Андрей Александра Вадим
Дмитрий
Дмитрий Вадим Александра
Андрей

Однажды,
когда нас не будет дома,
из ниоткуда, из космоса, с какой-то планеты,
из своего далёкого мира
придут настоящие Боги.
В прозрачной бесшумной ракете
они прилетят специально,
чтобы посмотреть и проверить
животных,
которым ради прикола
или в порядке эксперимента
когда-то выдали разум.
А мы ничего не заметим,
кроме того, что из шкафа
торчат как попало вещи,
что разбросаны по квартире игрушки,
что скомкано одеяло,
что на кухне из крана льётся струйка воды,
что плитка осталась включённой.

Вот так лежит вокруг Сибирь
А кажется, что просто воздух
А в нём поля, дороги, горы
Озёра, реки и мосты

А это всё вокруг Сибирь
И даже всё внутри Сибирь
Сибирь Сибирь Сибирь Сибирь
И ничего другого больше

Известную мантру ОМ
следует произносить приблизительно так:
оооооо-уууууу-мммммм.
При этом немного вибрируя горлом,
если, конечно, получится.

Говорят,
что от этого
в пространство из ниоткуда приходит сила
и оно тут же гармонизируется.

Не знаем наверняка, так ли это,
но когда возвращаешься в пустую квартиру,
иногда хочется что-то сказать,
например,
оооооо-уууууу-мммммм,
чтобы мёртвые тени в холодных углах
ожили
и помогли снять пальто.

Лучше всего,
когда приходишь домой,
говорить,
словно эту короткую, но бесконечную мантру ОМ,
слово home,
вот так:
хоооооо-уууууу-мммммм
или доооооо-уууууу-мммммм.
Да, именно так:
доооооо-уууууу-мммммм!
Ведь мы же русские люди,
и дом для нас дом, а не home.

И это, поверьте,
работает,
и особенно актуально
для родившихся
под дошедшим к Земле
светом умерших звёзд.

Им нагадано много чего.

Среди прочего —
вечная жизнь
после смерти.

И вновь, который год подряд
рассыпались кусочки смальты,
и незакрытые гештальты
сусальным золотом горят.

Где тот космический корабль,
где проводник из ниоткуда?
На стол поставлена посуда —
советский праздничный хрусталь.

даже если это не Ленинград —
все рождаются
в больше не существующих городах.

они могут оставаться на карте,
но такими,
как в миг твоего рождения,
уже никогда не будут.

в принципе, да,
это как реки,
в которые не войти дважды.

мысль не нова,
но однажды
эти слова покажутся тебе
важными,
и ты захочешь понять —
есть ты на самом деле
или
тебя тоже
нет

Новосибирск — не поле перейти.
Я столько раз пытался объяснить,
как вижу сквозь тебя, как ты
на самом деле выглядишь, но нить

рассказа моего всегда рвалась,
не связывалась в крепкие узлы.
Забыть об этой теме всякий раз
хотелось. Но, увы, твои углы,

твои разводы краски на фасадах,
торчащие наружу кирпичи,
остатки солнца в деревянных рамах,
всё то начальное, исчезло что почти, —

196

всё просится, как хочет оправдать
свой смысл, в мои воспоминания.
Но я совсем не краевед, чтоб знать,
какие здания важны для мироздания.

Всё сводится к подсчёту пустяков,
к возне мышей, к шуршанию пакетов.
Вокруг вполне хватает дураков,
которые расскажут и про это.

Новосибирск, тебя не объяснить.
Тем более какому-то поэту.
В тебе удобно умирать и жить —
тебя как будто не было и нету.

Crown shyness

Я привык гулять со своими призраками. Они повсюду.
Город и пригород полны ими.

Раньше,
когда я был один,
когда я ходил один по городу или,
как сейчас, по ботсаду,
призраки ждали меня там
на своих обычных местах памяти,
ждали,
как старого друга,
подходили вплотную и
сопровождали всю прогулку,
навевая мученическую тоску.

Теперь всё иначе,
и хотя я вижу их,
а призраки видят меня,
я просто махну им рукой
ради снисходительного приветствия
и буду смотреть сквозь кроны,
разгадывая тайны другого порядка.

Если долго смотреть в зеркало,
вполне возможно,
захочешь описать то,
что там видишь,
но окажется,
что там нет ничего особенного,
кроме более-менее круглого лица
с небольшой бородкой вокруг узкого рта,
двух мутных уставших глаз
и крупного еврейского носа посередине,
а ещё по бокам очень большие уши,
как у буддийских монахов, когда они медитируют,
в общем,
впечатление, что на тебя
смотрит заварочный чайник,
но с двумя ручками
и недоумением.

198

...молчаливый чайник.
Он даже свистеть не может,
потому что заварочный.
Не может, но хочет,
не свистеть, а орать,
так орать,
как, наверно, орёт умирающий слон,
попавший
в яму,
выкопанную охотниками за его бивнями,
орёт,
чтобы они пришли
и добились.

В августе,
 глубоко во второй половине дня,
 в теплоте предвечернего солнца,
 иногда
 начинаешь бережно, как будто не свой,
 чувствовать возраст,
 особенно,
 когда прогуливаешься по местам,
 в которых ты прогуливался так же,
 как сейчас,
 но очень-очень давно,
 во времена,
 когда светлое будущее было predetermined,
 и ты точно знал,
 что будешь великим поэтом,
 потому что строчки твоих стихов
 ложились на любую поверхность,
 в любом месте,
 в любое время,
 и пусть они были не такими, как у Маяковского
 или Хлебникова,
 но тебе казалось,
 что в них содержится то,
 к чему нужно стремиться,
 если хочешь расправы над миром,
 если очень хочешь победы
 в объявленной миру войне.

199

У тебя не было сомнений,
 что ты будешь второй Вознесенский.
 Кто ж ещё?
 Не Евтушенко же.

Несмотря на то, что любил их,
мне не хочется вспоминать ни деда, ни бабуку,
ни брата, ни мать, ни отца —
всех, кого хоронил.

Шкаф забит хаосом фотоснимков —
чёрно-белых,
нечётких порой.
Там есть даже XIX век —
4-5 фотографий.
Некоторые смяты, чем-то залиты, надорваны.
В папках, в конвертах, в пакетах,
в разномастных альбомах напихано,
что похожи
на рожающих дряхлых старух.
Невозможно всё выбросить, сжечь,
но смотреть это невыносимо.

200

Вот живёшь так и знаешь —
там, в углу,
собраны в кучу
жизни.
Мимо проходишь с оглядкой,
будто не хочешь разбудить привидений.

Иногда только кошка играет около дверцы,
словно шепчется с душами предков —
дверцу откроет и смотрит туда.

Подойдѣшь,
дверцу закросьшь,
кошку возьмѣшь и заглянешь в еѣ глаза,

а в них зелень детского яркого лета.

Оглавление

Глава 1. Встреча в вагоне метро	7
Глава 2. Осенний барабинский лес	27
Глава 3. Фильмы с Марлоном Брандо	47
Глава 4. С гитарой наперевес	66
Глава 5. Снова Новосибирск	82
Глава 6. Окраина. Понедельник	100
Глава 7. Не гомосексуализм	108
Глава 8. Читаем Макиавелли	118
Глава 9. Год пролетел. Пустыня	132
Глава 10. Скрипач, гробовщик, охранник	151
Глава 11. Сергей вспоминает имя	165
Глава 12. Весна никогда не настанет	173
Глава 13. Рискованное предприятие	189
Глава 14. Наташа потеряла подсвечники	202
Глава 15. Как всё опять перепрыгивали	223
Глава 16. Праздник в доме повешенного	

АНТОН СУРНИН

Родился в 1975 г.

Я был в лесу.

И вот дерево. Вот ручей. В ветвях шевельнется неясно серая птица. Споткнувшись о черный корень, спуститься туда, где папоротник. И вот там, внизу, где папоротник — омут. В нём вода, глубоко. Может быть, отражаются в этой воде влажные стебли. Страшно, и хочется лечь туда, в омут.

Как вдруг скрипнут колёсы. Где ручей, скрипнут колёсы. Где-то там, на том берегу, медленно начинает вращаться ОГРОМНОЕ КОЛЕСО. Звучит нота. Другая. Ещё. Ещё. Сплетается музыка. Кто-то поёт. И движется на том берегу ОГРОМНОЕ КОЛЕСО, но его не видно. Дальше, дальше от воды. Чья песенка? Кто поёт?

204

И вот, я нарисую линии, нарисую ноты. Чтобы унести с собой, чтобы осталось. Когда вертелось КОЛЕСО, там где нет моста. Когда распахнулись цветы и падали на водную гладь легко лепестки. Одной из тех ночей, что дарованы совершенно случайно.

Я был в лесу.

Но песенку — позабыл...

я на мосту горбатым
чёрного как ночь
случайно раздавил
жука
«который час?»
меня спросили молча
«не знаю»
нет
я времени не знаю

как черна ты, зима
наклонилась пластина
и за льдом — паутина
и за льдом — кутерьма

иней лёг на висок
и смертельно больные
эти дни шерстяные
снег и соль и песок

через реку
через реку
переехать если
то
рыбаки ко льду примёрзли
завернув себя в пальто

краем глаза глянув
можно
догадаться просто так
что на них из лунки каждой
ледяной косится зрак

и — клянусь чешуйкой медной
костью сломанной губы
что брезентовые в небо
страшно выставив горбы
все они окаменели
до макушек головы
как один
оцепенели
онемели
все мертвы

мимо них проходит время
соль насажена на крюк
и зима
зима на свете
оловянных ложек стук

когда январские колёсы
круги рисуют на стекле
не верь зиме: её стрекозы —
лишь отблеск дня в морозной мгле

но в миг безудержный и зыбкий
в сиянии полнощёких лун
мелькнёт неясная улыбка
проёмом вытянутых струн

бумажные на ужин гнёзды
напрасных истин чёрный яд
и плавают в стакане звёзды
с небес спустившись наугад

208

всё это *временем* зовётся
тревожно: *временем*
так вот:
вчерашним утром обернётся
вещей непоправимый ход

под снегом спят рябины грозди
чуть иней тронул край ресниц;
нагрянут ли с мороза гости
с горстями леденелых спиц?

косяшкой зеркальце пристукнув
увидишь: на дворе бело
здесь — острый нож лежит на кухне
там — лебединое крыло

и что же? просквозят ли мимо?
а то по лестницам придут
«закрой глаза» — и в ухо шепчут:
«там, за окном, цветы растут»

чтоб было молоко всегда
в начале самом дня
выходим из пустых квартир
бидонами звеня

по кромке вафельных снегов
ступаем как во сне
и вздрагивает белый луч
над нами в вышине

и каждый нем
и на уста наложена печать
бескрайним холодом небес
веление молчать

210

немеют пальцы на ветру
и лёд стоит стеной
но тёмных кухонь берега
нас примут в омут свой

и то что было невдомёк
несказанное там
тончайшей пенкою прильнёт
к обветренным губам

на кухонном окне глухом
стеклянная ютится
церковь
здесь солнца не бывает никогда
и время путается в чахлах занавесках
но всё же
мне слаще ладана сутулой кухни чад
и может быть
разделочные доски
икон милей

спасибо, Бог
за суп остывший в плошке оловянной
за полдень, разведённый кипятком
за соль последних зимних дней
за небо
и ещё
за тонкий ломтик хлеба
с пером зелёным поперёк

живём с тобой в домах сутулых
где ничего не разобрать
и рядом с нами *Цирк* и *Церковь*
обыденная благодать

здесь щурит глаз шальной прохожий
на блеск сусального огня
и Бог шутя по кругу правит
копыто лёгкого коня

глядят испуганные дети
в бинокля белого кулак:
летают ангелы и люди
под куполами просто так

212

а там стоит людская стая
надев на волосы платок
и за амвоном притаился
звериный бог
звериный бог

и вот — когда иду *молиться*
с небес нагрянет шантрапа
и пёстрых клоунов обступит
неумолимая толпа
когда ж увидеть *чародея*
спешу —
вдруг окажуся там,
где воска треск и аллилуйя
и что теперь —
не знаю сам

как в порту простая лодка
как в пироженом пирог
поселился
поселился
поселился в церкви Бог

поселился и забылся
у амвона прикорнул
поселился и забылся
прикорнул да и уснул

и приходят христиане
и руками шевелят
и одно: увидеть Бога
неминуемо хотят

213

только Бога не разбудят
не очнут от этих снов
не молитва и не пеньё
и не звон колоколов

он уснул
и снятся Богу
среди церковной мишуры
нет, не эти — всё другие
всё прекрасные миры

Ах мама, в магазин скорей
меня отправь за голубями
за птицами
я так устал
и час назначенный настал
и ветер шевелит ветвями

там на прилавках расписных
томятся жаворонки в тесте
имбирный зяблик
и кулик под ломкой корочкой приник
там сойки на лотках из жести

214

монетой звонкой расплачусь
а то — расплачусь безутешно
недолгожданный и немой
и вот, когда вернусь домой
я расскажу тебе, конечно

что всюду вижу я одно
небес пшеничных колыханье
что тем, среди которых гость
которым проса бросил горсть
придумать не могу названья

что кто-то за ночным окном
рассыпал пригоршню жемчужин
на кухне глиняная тишь
я знаю
ты меня простишь
что крашек крыла надкушен

как дирижабль, нависло надо мной
моё огромное неповоротливое тело
о небо!
отчего ты так мало?
и отчего так сердцу в этой клетке тесно?
так узок зрак?

ах если б только сделать шаг
один
единственный
куда — уже не важно
когда
упав лицом в траву
мне мир — букашка золотая,
прижавшаяся на щеке

морское ухо на крючок
поймай-ка, мой дружок!
зачем миноге плавники
мне, право, невдомёк

чуть-чуть на цыпочки привстань:
там, *за морем*, земля
увидеть не успеешь дым,
как соль зальёт глаза

и солнечным сплетеньем дня
наполнятся все листья,
блики,
или хоть раз увиденные лица
в том саду,
где клетка сердца расцветает
лучами белыми

весна весна опять весна
смывая пыль водой
пищит как бабочка стекло
под тряпкой молодой

и как бывает испокон
с размытого стекла
вся пыль вся муть на подокон
одним ручьём стекла

и вот перевернувшись дном
и вздрогнув вдалеке
вдруг отразился целый мир
в испуганном зрачке

весь горизонт и в банке лук
и вымокшая рама...

— там мёртвый жук!
там мёртвый жук!
закрой окошко, мама!

вот электрик и монтажёр
он электрик и монтажёр
он главное всех на свете
он электрик и монтажёр

он летит во весь опор
мимо окон мимо штор
вдруг из маминой из спальни
через кухню в коридор

и на лестничных пролётах
он на лестничных пролётах
прячет-прячет не прячет
электричество в груди

218

и поёт, поёт как птица
электричество в груди

с понедельника на вторник
мы работали весь день
ни минуты отдыхая
целый день
устали
замахали чашелистиками
и стали цветы

и уже идёт садовник
и в кустах зацвёл шиповник
тронет пальцем лепесток
белым пальцем лепесток
кто садовник?
кто цветок?

позабыты все заботы
до неведомой поры
мы растём в оранжереях
и не нами, нет, не нами
остановлены часы

баку
амур
урал
и куба
я там и не был никогда
но не о них ли в час вечерний
поёт усталая вода?

и сердце бьётся в упоены
вотще
попасть туда нельзя
ведь всех дорог переплетенье —
неодолимая стезя

220 и се — блажен тот путник смелый
что по амуру налегке
плывет в баку
урал
и кубу
качаясь в лёгком челноке

прилетели свиристели
свиристели прилете
прилете и засвистели
в непроглядной темноте
по стволам высоких сосен
с неба поползни сползли
и исчезнули за гранью
в омут канули земли
воробьи забились в ружья
и напыжились внутри
словно яблоки на ветках
притворились снегири
 все уснули и исчезли
 примостились навзничь лечь
 в *пух* и *прах*

221

и вдруг под утро
жаворóнки
влéзли
в пéчь
за чугунные заслонки
где огня язык и зуб
влéзли в пéчь —
и дéнь начался
золочёным солнцем труб

понедельник — день тяжёлый
вторник — лёгкий как комар
в среду — птица или сердце
а в четверг — au revoir!

всю пятницу и всю субботу
нельзя ни шагу за порог
и как дожидаться воскресенья
мне неизвестно
невдомёк

но есть в неделе день девятый
не будний и не выходной
когда закрыв лицо руками
возможно быть самим собой

222

один лишь день почти напрасный
когда не тронув и ресниц
в затылок слабо дует время
поднявшись из ночных пшениц

Ущ и Ющ — ядовитые змеи
и они в подворотнях сидят
но о том догадаться не смею
что со мной они сделать хотят

может вынырнув ночью ужалят
и попрячутся сразу в кусты
или может негромко присвистнут
и посадят меня на хвосты

на салазки как будто
и верно
увезут далеко-далеко
может только меня напугают

но попросят когда молоко...

223

я же блюдце разбил на работе!
я домой запинаясь спешил!
я бежал с непристёгнутым ухом!
я опять молоко не купил!

магазины все были закрыты
все монеты просыпались в снег
так постойте
никто и не знает
что волной
нас волной настигает
неизвестного времени бег

день прошёл
нам осталось лишь ждать
что часы на излёте покажут

в дом войдут и имён не назвав
белым воском глаза нам замажут

нам остался лишь ходиков шорох
тоже скрип неприкрытых окон
и на глиняных кухнях напрасный
мотыльков керосиновый звон

Виктор Іванів

1977–2015

Виктор Іванів, ударение на первый слог, жил как жил, ходил в детский сад и в школу — пока не открыл в 1993 году Евангелия. С этого момента жизнь его менялась. Всё больше укреплялся он в мысли об этом, и ещё больше укрепился, узнав о Петрушке, лекаре, пекаре и аптекаре.

Полностью его взгляды на жизнь сложились уже по окончании университета и аспирантуры, — тогда он прочитал лубок Прю Аники война со смертью, Николая из Кузы, Яна Комменция, Спинозу, Лейбница и Григория Сковороду и Книгу для всех и ни для кого. Окончательно он убедился в том, что правильно дышит, борется и живёт после ознакомления с текстом Хлебникова «Ошибка смерти».

226

Из книги «Стеклянный человек и зелёная пластинка», 2006 г.

Дима Гиндель был мой друг
и он говорил
что у него была собака Витим
и что я похож на неё

я хочу чтоб я на небе был
твоей собакой Витимом

Похороны

Sonnets to Janus

1.

На клумбе из автомобильных шин
Где детский был пластмассовый гудок
И я дожил до 26 годов
Смотрелся в борщ и белый хлеб крошил

Один цветок приплёл на память мне
С той клумбы где всё бархатцы росли
И воробы барахтались в пыли
И я его воткнул себе в кашне

228

Что если б Ангел зорю протрубил
Петух с забора вскрикнуть испугался
И зобом в сторону водил дебил водил

И желчью плакал опершись на тумбу
Гроб был глубок и он съезжал с перил
Но ни один мертвец не приподнялся
Лишь над могилою гудел автомобиль
Гроб в Новый Свет вливался колумбом

2.

Хор с похорон оркестр тот с парадов
Цветка протуберанец бахрома
Как сладкая с базара посторма
И сквозь кустарники её я падал

Он был как отрок тих в своей кровати
Беспечного короткого ума
Ему желали кое-кто из мам
На смерть его глядит не без оглядки

Так было жарко что почти никто не плакал
Цветок был сорван с клумбы городской
Прощай скабрёзное для жалких музыкантов

Старик курил «памир» над детскою тоской
Парик висел у кадыка дискантом
А кипарис парил над улицей пустой
Над урной в которой умер Лапкин

все мы пуговицы здесь и иголки
сколько платьев будет пошито

первую проглотил мартин
когда ему ещё было два

другие две оторвались
когда мы ездили на острова

это у самого мамина горла
сразу не застегнёшь

эта когда оса прилетала
где же её найдешь

230

это на платье с похорон куклы
смирно играет марш

эта тупая как красные угли
кто полюбил карандаш

словно бы только вышел из моря
сонный и лёгкий как пар

синие губы второму вторя
мимо гуляющих пар

знай синегубый старого платья
будут лишь лоскутки

и не найдётся второго дитяти
сердце сжимая в тиски

будет иное иное время
ставит часы по москве

щёку вторую бритвою брея
для поцелуя в тоске

не подставляй пуговиц и иголок
в банке железной считай

лишь не заглядывай за заголовок
сразу газету сжигай!

когда этот человек на меня уставился
я понял что он совсем недавно преставился
такой невысокий длинноносый седенький
с женскими часами на правой руке
он вероятно думает о своём наследнике
хочет зажать меня где-нибудь в уголке
как он вчера за обедом поддакивал
всем по очереди ручку бы позолотил
он подписал на конверте куда кому
он наклеил усы а по счёту не заплатил
выписали очки стены мажутся
плюсовые косточки тонкие подрагивают скрипят
птичьим голосом заговорил или мне кажется
вынул две монетки три и пять
деньги что деньги всё считает часы и дни
когда же когда же кто-нибудь к нему придёт
завидно ему он чешется точно праведник
только если по московскому стрелки на час вперёд
побрился вчера пахнет одеколоном
брюки наглаженные и манишка белая чистая крахмал
обмотался бы ещё российским триколором
руки бы сам себе заломал
высунет язык подмигнёт гримасничает
что это за муля спрашивает не говорит
бритьё под машинку на руку класть ничего
не хочет и отчаянно во все стороны головою вертит
то в церковь ходит где смотрит подслеповато
на иконы на свечи под купол выйдет попросит рупь
а ему отвечают сдержанно но зубато
шорохом едва шепчущих губ

начинает повторяться мы шли до станции шепетовка
а в каком это было спросят году
дёсны болят это мстит полукровка
всё тебе кажется что это черти в аду
грешники каются а воры на фонарях качаются
искры из глаз сон и никаких чудес
видимо ему на том свете икается
что он из жизни своей не до конца исчез

Вас. Боп.

Солнце треснуло говорят
Солнце треснуло напололам
И окно которое отворят
И окно глядит в зеркала

И из трещины как ладонь
Вырос огненный мак как кровь
И оттуда повеял солнечный сон
И накинул на нас свой покров

Словно мебель двигают ты убит
Уезжает далёко комнаты дно
И висит во сне на игле и спит
Невесомое солнечное пятно

Темнота в глазах и в затылке затык
Словно лоси и кони глаза бегут
Проливным дождём навек позабыть
Беркут вспыхивает там и тут

Помавай огнём простыни скатай
Пелена на то как медуза жжёт
Чтобы далеко узнавать места
Всё назад обернётся и всё пройдёт

Ничего вокруг скошены луга
Молнии сон караулит плющ
И с небес уже сброшены берега
Чтоб поднять со дна неведомый ключ

Потому была голова пуста
Прибыла вода половина дня
Братъев разняла и ушла луна
Древоточцем невидимого креста

Сорвала сегодня ты красный мак
и теперь он у тебя в волосах
стало жарко садишься в гамак
не забыться тебе в голосах

Солнце голову тебе напекло
и так сладко бы было вздремнуть
согреть в трамвае стекло
на серебряную ложку подуть

К этой ложке горячей ухи
детских грёз уносится рой
расплескала рукою духи
что поделать с этой жарой

Эль-Кабаб

Куришь табак жёлтый листок
Лодочку сделав рукой
А из него не вымолишь сто
Слов про город другой

Тень на стене птица и чёрт
Лампа бросила тень
Кто-то испуганно это прочтёт
А поглядеть — лень

Плавала лодка вниз головой
Берег другой качнуб
Только шагни на берег другой
Лодку перевернуб

Как закрывались твои глаза
Слов не найдя ста
Ночью на небе была гроза
Лодка пришла пуста

Первый удар

В комнате спал
Матрас кусал
Ноги вытянув
Очень длительно

Подушка накрыта
Скрипит ракета
Окно глухое
На двор выходит

А двери горчичник
Заплат отличник
Набит по горло
Тащит багор мой

238

В куски изрублен
Толчёт изумрудной
Бутылки стёкла
Стёпка-растрёпка

Троллейбус ходит
На нас походит
Собака Бимка
И бабка Нинка

Как лечат чумку
Я не дотумкал
Собаку Фомку
Ты сделал громкой

Коровкой божьей
И краснокожей
Стреляет пробкой
И тёткой Бобкой

Её галошей
Она в горошек
В её кармашек
Не рви ромашек

А одуванчик
Китай-болванчик
От дуновенья
Как довоенный

В её квартире
Картавой Ире
Пожить придётся
Нам как придётся
А нить прядётся
Пока не рвётся

у самого глеба у морева
у марьи степановой самой
уже есть дети по-моему
и папа и мама

и даже у димы данилова
и даже у дани давида
и даже у сокола милого
есть книга

и у илюши кукулина
и у марии майофис
была своя загогулина
и пропись

240

и даже у лёши денисова
и даже у кыры медведа
и у вячеслава фетисова
есть баба и деда

и у вячеслава иванова
и у андрея сенькова
любимая есть обезьяна
любимое есть насекомое

для многих и многих вещей нам
бывает дана голова
она есть у льва рубинштейна
и даже у лосева льва

август, 07

Проснулся в среду солнышко суббота
В субботу просыпаюсь там среда
И всё одно и то же время как болото
Контузия кутузка тошнота

Вчера мечтательного вечера и белых
Маминых песен памяти мечты
Разложенные книжечки с припевом
Как счастья робкого тончайшие персты

Сегодня кепка берцы и кожанка
Болото ливни хляби тишина
Контузия кутузка и болтанка
Как будто твоя девушка больна

О. Р.

Я в костёл иду смотреть кино
холодно светло там и темно
сяду на скамью плачу и молюсь
если только снова в фильме появлюсь

в это время синяя по водостоку кровь
в улицу стекает с номеров домов
в это время сон проходит мимо стороной
и заглядывает в лица как совсем больной

утро и троллейбус в нём же магазин
мухи синие садятся вновь на маргарин
это счастье утро бывает каждый день
а на улице-то нету нету стен

только голову закинув в солнце ты идёшь
мне навстречу по другой дорожке
и совсем дурея говоришь хорош
и совсем слабея протягиваешь ножки

голова послушная подсолнухова
и глаза соловые крыша набекрень
из тебя торчит во все стороны апрель
параллель девятая школа 42

Не ходи по этой улице что впереди
не ходи по ней в поезде поспи
не ходи по улице остановись посреди
не ходи по улице без вывески

потеряешься и никогда
не найдут тебя тут
потеряешься навсегда
никогда не найдут

есть такие улицы без вывески
об асфальт искры не высечешь
не найдёшь доски
так один из тысячи взял и исчез

потерялся и никогда
что бродил надут
потерялся навсегда
никогда не найдут

Я лежал голову обхватив
И вокруг кружились ноكتюрницы
И луна во лбу ныла как сломанный мяч
Затаив
Дыхание в юности
Я сегодня вдруг выдохнул всё о чём знал и не знал

Что бывает и рядом как девочка ходит
И кивает как клоун
С кивером у кабин
Я бежал по дороге дороге дороге дороге
Ручку не позолотив не позолотив

Пальмовый лист всё грохочет над пропастью
Или игра теней в камнепад
Рвётся крапивный наряд это школьники школьники
Ходят вперед как часы и не ходят назад

И комната открыта стая птичья
Летит туда в шинелях всех друзей
Как будто нынче я раскрою нычку
Сим-сим и отворю бутылку со слезой

Засветится лицо на Большевичке
Там вдоль дороги встав на каблучки
Покатит бочку не врубайся в бричку
И девочка мне спичку поднеси

И девочка и девочка теллурий
И шарф весь в искорку пропитанный слезой
Мы красим брови молча курим-курим
И в Гефсиманский сад идём перед грозой

Содержание

От составителя.....	3
Евгений Минияров.....	6
Владимир Светлосанов.....	28
Александр Ахавьев.....	50
Сергей Самойленко.....	72
Борис Гринберг.....	94
Станислав Михайлов.....	116
Андрей Щетников.....	138
Юлия Пивоварова.....	160
Андрей Жданов.....	182
Антон Сурнин.....	204
Виктор Іванів.....	226

Литературно-художественное издание

Серия «Библиотека сибирской литературы»

ПАРК

КНИГА СТИХОВ

16+

Тексты публикуются в авторской редакции

- © Миняров Е. М., с. 6–26, 2021; © Светлосанов В. С., с. 28–48, 2021;
© Самосюк А. В., с. 50–70, 2021; © Самойленко С. В., с. 72–92, 2021;
© Гринберг Б. Х., с. 94–114, 2021; © Михайлов С. Г., с. 116–136, 2021;
© Шетников А. И., с. 138–158, 2021; © Пивоварова Ю. Л., с. 160–180, 2021;
© Жданов А. В., с. 182–202, 2021; © Сурнин А. В., с. 204–224, 2021;
© Иванова Н. В., с. 226–246, наследник, 2021;
© Ковалевич В. И., с. 5, 27, 49, 71, 93, 115, 137, 159, 181, 203, иллюстрации, 2021;
© Кармалита К. Е., с. 225, иллюстрации, 2021

Художественное оформление: *В. Е. Яковлева*

Верстка: *Е. О. Файзуллаева*

ISBN: 978-5-88742-209-1

9 785887 422091

Подписано в печать 29.11.21. Формат 70x108/32. Усл. печ. л. 10,9.

Печать цифровая. Тираж 500 экз. Заказ № 14795.

ГАУК НСО НГОНБ.

630007, г. Новосибирск, ул. Советская, 6.

Отпечатано в ИКО ГАУК НСО НГОНБ.

630007, г. Новосибирск, ул. Советская, 6

ipo@nso.ru, vk.com/ipo_ngonb

мы цвёты
янкежнэв и яндоло

несогласных как бы нет

модвлтф и монётовъ э

здесь были пчелы

это он, ускользящий контур знаком

голубь летит сквозь горящий экран

поднявшись из ночных пшениц

лодка пришла пуста

нигде - овониэглэе

жоэнэ ен

ев умер, вот и выпить не с кем

двойные рамы продушатъ

стоянка полминуты, ч

а справа снег и слева снег
потеряешься и никогда